

СЕРИЯ «АРХИВАРИУС МИРОВ» • КНИГА 2

НЕЙТОН ПАТЧЕР

ИНКУНАБУЛА
ТВОРЕНИЯ
АРХИВАРИУС МИРОВ

LITRPG • БОЕВОЕ ФЭНТЕЗИ

NO TEXT

NO LETTERS

Нейтон Патчер Архивариус Миров: Инкунабула Творения

<https://litres.ru/74525199>

SelfPub; 2026

Аннотация

Орден Инквизиторов Чистого Листа объявляет «Великое Сожжение»: древняя Библиотека подлежит зачистке, чтобы стереть память о прежних свободных мирах. Армии паладинов и магических цензоров штурмуют читальные залы, превращая свитки в пепел.

Но Вадим Летов принимает бой. Получив высшую эволюцию класса [Хранитель Исходного Кода / Владыка Инкунабул], он открывает доступ к Залу Первоначал, где хранится легендарная «Инкунабула Творения». С помощью древних кодов Вадим призывает на защиту Библиотеки проекции павших героев и целых погибших цивилизаций. В решающей схватке цензоры сами окажутся вычеркнуты из ткани бытия, а истинное знание вернется человечеству!

Содержание

Глава 1. Огонь на книжных полках	5
Глава 2. Вход в Зал Первоначал	20
Глава 3. Эволюция в Владыку Инкунабул	46
Глава 4. Погоня в пространстве черновиков	67
Глава 5. Взлом божественной цензуры	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Нейтон Патчер
Архивариус Миров:
Инкунабула Творения
НЕЙТОН ПАТЧЕР

АРХИВАРИУС МИРОВ:

ИНКУНАБУЛА ТВОРЕНИЯ

Серия «Архивариус Миров» • Книга 2

Глава 1. Огонь на книжных полках

Пергамент в пальцах пульсировал, словно извлеченное из груди теплое сердце новорожденного демиурга.

Вадим Летов стоял на краю парящей галереи Девятого Скриптория, вслушиваясь в эту неслышную для смертного уха вибрацию. Свиток Первоначал — невзрачный сверток из выдубленной временем кожи первобытного Левиафана, перехваченный тремя печатями из окаменевшего воска перво-зданной Тьмы, — отдавал в ладонь тяжелым, тягучим жаром. Каждая ворсинка на его поверхности несла на себе оттиск непроизнесенного Слога. Того самого, которым когда-то, за сотни эр до появления первой метрики Пространства и первой строчки Системного Лога, были размечены границы Реальности.

Перед глазами Вадима мерцала полупрозрачная лазурная взвесь интерфейса, привычно отодвинутая на периферию зрения, чтобы не заслонять обзор:

[Внимание! В ваших руках находится уникальный артефакт категории «Абсолют»: Свиток Первоначал (Инкунабула Творения, Фрагмент I: Protolingua)]

[Статус: Запечатан. Уровень резонанса с Душой Носителя: 94.8%]

[Предупреждение: Нахождение артефакта в проявленном слое континуума генерирует гравитацион-

но-информационную сигнатуру 12-го ранга. Скрытность невозможна.]

Вадим криво усмехнулся одними уголками губ. Скрытность? На сто втором томе этой бесконечной летописи слово «скрытность» вызывало лишь горькую иронию. Когда за твоей спиной сгорели тысячи миров, а в карманах мантии осела пыль сотен низвергнутых пантеонов, прятаться уже не имеет смысла. Ты либо вписываешь себя в ткань мироздания несмываемым шрифтом, либо тебя стирают, выскабливают пемзой забвения до белизны, не оставляя даже пометки на полях.

За гигантскими витражными окнами Скриптория — титаническими мозаиками высотой в добрых три сотни локтей, составленными из плавленого горного хрусталя и звездного кварца, — разворачивалась бездна.

Библиотека Миров, бесконечный монолит, парящий на перекрестке измерений, сейчас казалась уязвимой как никогда. В обычные века за этими витражами медленно дрейфовали кольца угасающих галактик и сиреневые туманности свернутых вероятностей. Но сейчас чернильный вакуум космоса закипал.

Он белел.

Это не был рассеянный свет звезд или мягкое сияние расцвета. Это была ослепительная, стерильная, хирургическая белизна, от которой слезились даже укрепленные десятками пассивных модификаторов глаза архивариуса.

Инквизиция Чистого Листа пришла во всеоружии.

В пустоте, сминая пространственные складки, один за другим материализовались клиновидные дредноуты Стирателей. Их корпуса, выточенные из монолитного белого мрамора Бездны и инкрустированные жидким серебром, не имели ни единой царапины, ни единого изъяна. Сотни, тысячи боевых кораблей класса «Табула Раса». На их носах пылали исполинские линзы — орудия, питаемые фанатичной верой в то, что сущее есть грех, ошибка в рукописи бытия, которую надлежит выжечь до состояния девственной пустоты.

Они считали каждую книгу, каждую записанную историю, каждую сохраненную трагедию или триумф грязными чернильными кляксами на лице идеального Небытия.

— Ну надо же, какая пунктуальность, — негромко произнес Вадим в звенящую тишину зала. Голос его, усиленный пассивным навыком *[Эхо Вечных Залов]*, прокатился под циклопическими сводами, отражаясь от уходящих в бесконечную вышину стеллажей из железного дуба. — Даже чаю не дали допить.

Ответом ему был низкий, утробный гул, заставивший задрожать каменные плиты пола под ногами.

[Внимание! Зафиксировано развертывание вражеской структуры мета-осадного класса: «Великий Синод Абсолютной Белизны»]

[Идентифицировано флагманское присутствие: Верховный Кардинал-Цензор Малахия (Уро-

вень: ???)]

[Враждебные намерения: Тотальное форматирование локального сектора. Аннигиляция семантических связей.]

[Оценка совокупной мощи атакующей группировки: 8.9×10^{14} Единиц Влияния]

Витражи дрогнули. Хрустальные стекла, изображавшие сотворение Древних Архивов и падение Первых Титанов, жалобно застонали, когда на них обрушилась первая волна направленного давления.

Сквозь прозрачные грани было видно, как на носовых оконечностях дредноутов зажглись золотые огни. Это не был огонь материи. Это было Священное Пламя — концептуальное оружие высшего порядка, субстанция, рожденная из концентрированного отрицания формы и смысла. Жидкое золото, расплавленный абсолю́т, стирающий не просто физические атомы, но саму память о том, что эти атомы когда-то составляли единое целое.

Тысячи золотых солнц расцвели во мраке междумирья. Они выстраивались в геометрически безупречные круги, вращались, набирая чудовищную кинетическую и магическую энергию, пока пространство вокруг флота Инквизиции не пошло паутиной микротрещин.

— Кардинал не мелочится, — пробормотал Вадим, перехватывая Свиток Первоначал левой рукой и прижимая его к груди, прямо под полы тяжелой суконной мантии, подбитой

мехом хроно-горностая.

Его правая рука привычным, отточенным за века движением скользнула к поясу, где в резных ножнах из кости пустотного дракона покоилось Стило Архитектора — полированный граненый стержень из черного адамантия, увенчанный расщепленным наконечником из застывшей перломатерии.

В воздухе пахло гарью. Но не обычной сажой сгоревшей древесины, а тем ужасающим, леденящим душу запахом, который появляется, когда горят старые книги: запахом обугленного клея, тлеющей кожи переплетов и испаряющихся чернил, уносящих с собой имена забытых богов.

Бум.

Первый залп осадных батарей Инквизиции ударил по внешнему контуру Библиотеки.

Мир качнулся. Пространство взвыло на неслышимой для смертных частоте. Вадима бросило вперед, подошвы его сапог взвизгнули по отполированному черному порфиру пола, высекая синие искры маны. Внутренний каркас скриптории отозвался протяжным стоном миллиардов деревянных полок, заставленных фолиантами. С верхних ярусов, терявшихся во мраке полукилометровой высоты, посыпалась мелкая белая пыльца — рассыпались в прах защитные восковые печати, сдерживавшие энтропию на древних свитках.

[Внимание! Внешний барьер «Периметр Каллиграфа» разрушен!]

[Прямое попадание снарядов типа «Священный Люмен Стигматов»: 42 000 ед.]

[Концептуальная целостность витражного пояса снижена до 31.4%!]

[Локальная тревога: Обнаружен критический перегрев метафизических каркасов!]

— Начинается, — процедил Вадим.

За окнами разверзся настоящий ад. Не кровавый, не хаотичный, а слепяще-золотой, методичный и беспощадный. Лучи священного пламени, каждый толщиной с вековую башню, перекрещивались в пустоте, сплетаясь в гигантскую огненную решетку. Они били в витражи с математической точностью, целясь в узловые точки силовых линий Библиотеки.

Тррреск!

Центральный витраж — мозаика «Древо Истинных Наречий», простоявшая на этом месте сорок семь эпох, — не выдержал.

Хрустальные пластины толщиной в два человеческих роста разлетелись мириадами сверкающих осколков, которые тут же испарялись в воздухе, превращаясь в белесый пар. В образовавшуюся брешь шириной в добрую сотню метров хлынул ревущий поток чистого, беспримесного пламени Инквизиции.

Это был не просто огонь — это был шквал. Золотой огненный смерч ворвался в святая святых, туда, где хранились

записи о Первом и Втором Творении. Температура внутри Скриптория мгновенно подскочила до отметок, при которых обычный металл закипает за долю секунды. Воздух сжался, превратившись в раскаленную плазму.

Ближайшие к бреши книжные ряды вспыхнули мгновенно.

Вадим увидел, как обугливаются корешки великих трактатов. Он почувствовал физическую боль — фантомный укол в самое основание души, когда вспыхнули двадцать томов «Хроник Семнадцатого Падения». В пламени закричали запечатанные в страницах сущности: дрейфующие призраки авторов, маленькие духи-закладки, элементали оглавлений. Золотой огонь пожирал их без жалости, не оставляя даже пепла. Страницы чернели, сворачивались в трубочки, рассыпались в ничто, и вместе с ними из ткани реальности навсегда стирались целые народы, когда-то населявшие погибшие миры.

[Критический урон инфраструктуре Скриптория!]

[Утрачено томов категории «Редкие»: 1 420]

[Утрачено томов категории «Хроникальные»: 89]

[Внимание! Термическая эрозия угрожает сектору первоисточников!]

— Довольно, — голос Вадима стал ледяным. Вся ирония слетела с него, уступив место холодной, алмазной концентрации архивариуса, чей дом и чей архив посмели осквернить.

Он шагнул вперед, прямо навстречу ревущему шквалу золотого огня. Его мантия захлопала на ураганном ветру, волосы, тронутые вечной сединой ста девяти уровней познания, разметались по плечам.

Он поднял Сило Архитектора высоко над головой. Кончик инструмента вспыхнул густым, абсолютно черным светом — светом, который не отражал реальность, а впитывал ее в себя.

— Вы пришли стереть слова? — негромко спросил Вадим, обращаясь к сияющей бездне за окном, зная, что кардинальские сенсоры на дредноутах ловят каждую его фразу. — Вы принесли огонь в дом, где хранится память о том, как зажигались первые звезды? Глупцы. Огонь — это всего лишь грубая стихия. А чернила... чернила — это кровь самого замысла.

Его интерфейс взорвался каскадом рубиновых и фиолетовых системных окон, сменяющих друг друга с пулеметной скоростью:

[Инициация протокола Высшей Архивации...]

[Обращение к Резервуарам Дна: Седьмой Чернильный Океан подключен к мета-контурам тела]

[Расход очков Редакторской Эссенции: 250 000 / сек.]

[Расход концептуальной прочности Сило: 0.02% / сек.]

[Активация эпического защитно-преобразующего

плетения 10-го ранга: «Водопад Чернил»!]

Вадим резко взмахнул рукой, чертя в раскаленном добела воздухе широкий полукруг.

Звук, раздавшийся следом, не походил ни на что, слышанное смертными. Это не был грохот взрыва или треск ломающегося камня. Это был звук сокрушительного, утробного низвержения циклопической массы жидкости — будто над Скрипторием разверзлось дно бездонного океана, дремавшего в сердцевине Творения до начала времен.

Из темноты под потолком, из трещин между измерениями, из самих швов кладки хлынула тьма.

Но это была не пустота. Это были Первородные Чернила Бездны — тягучая, маслянистая, смоляно-черная субстанция невероятной плотности, насыщенная эссенцией невысказанных смыслов, нерожденных стихов и забытых имен. Чернила не капали — они падали монолитной стеной.

ВШШШШШААААААААААХ!

Колоссальный занавес черной жидкости обрушился прямо поперек зияющей бреши в витраже, отсекая внутреннее пространство библиотеки от бушующего снаружи золотого шквала.

Ширина чернильного потока составляла не менее двухсот метров, толщина — добрых сорок локтей. Водопад низвергался с высоты полукилометра в специально открытые в полу накопительные желоба из лунного камня, бурля, пенясь и выбрасывая в воздух миллиарды крошечных черных брызг,

каждая из которых переливалась крошечными серебряными рунами алфавита Предтеч.

Столкновение двух противоположных первооснов мироздания было чудовищным.

Золотой огонь Инквизиции — огонь очищения, огонь святого забвения — на полном ходу врезался в ревущую толщу Водопада Чернил.

Раздалось яростное, оглушительное шипение, от которого заломило зубы. Мир вокруг заволокло клубами плотного, сизо-фиолетового пара, пахнущего озоном, железным купоросом, сушеными чернильными орешками и тысячелетней пылью пергаментов.

Огонь пытался сжечь чернила. Он вгрызался в черную водяную стену языками ослепительного пламени, бурлил, взрывался миллионами золотых протуберанцев, пытаясь испарить субстанцию, обратить ее в ничто. Но Чернила Левиафана не были обычной жидкостью. Каждая капля этого потока несла в себе бесконечный гравитационный вес записанной мысли. Попробуй сжечь то, что уже стало историей! Попробуй уничтожить концепт, который пережил гибель собственной вселенной!

[Метафизический контакт: Священное Пламя Инквизиции vs «Водопад Чернил»]

[Эффективность тушения: 98.7%]

[Поглощено тепловой энергии: 4.12×10^{11} Дж / сек. Энергия перенаправляется в накопители Башни]

Знаков]

[Статус: Температурный градиент в секторе нормализуется. Очаги возгорания на полках 4-го яруса подавлены чернильным конденсатом.]

Золотые струи захлебывались. Они шипели, тускнели, теряли свою смертоносную белизну, становясь сперва грязно-желтыми, затем мутно-серыми и, наконец, растворялись в черном, всепоглощающем потоке. Водопад принимал в себя святую ярость дредноутов, связывал ее структуру сложными синтаксическими формулами барьера и уносил вниз, в дренажные лабиринты Библиотеки, превращая вражескую мощь в тяжелый, нейтральный осадок.

Вадим стоял у самого подножия этой ревущей черной бездны. Мелкие брызги чернил оседали на его щеках, на грубой ткани мантии, оставляя быстро впитывающиеся, мерцающие темным перламутром следы. Его дыхание было тяжелым, прерывистым. Удержание плетения такого масштаба жрало ресурсы со скоростью падающей звезды.

Его очки маны таяли, словно воск на огне:

[Очки Маны: 4 820 000 / 12 000 000]

[Очки Редакторской Воли: 81 %]

[Предупреждение: Высокое ментальное напряжение. Обнаружена попытка контр-заклятия с вражеского флагмана.]

Сквозь полупрозрачную толщу чернильного потока, как сквозь закопченное стекло, Вадим видел, что происходило

снаружи.

Флот Инквизиции не отступал. Напротив, увидев, что их первый, сокрушительный удар был остановлен дерзким щитом Архивариуса, корабли начали перестраиваться. Белые мраморные исполины смыкали строй, образуя огромный трехгранный клин. В центре этого построения медленно выдвигался флагман — колоссальный собор-дредноут «Санкта Табула», на шпилях которого мерцали гигантские колокола из антиматерии.

Из чернильной пены, стекавшей по желобам у ног Вадима, начали подниматься тонкие, призрачные фигуры. Это были Чернильные Гомункулы — автоматические конструкты защитной системы Библиотеки. Ростом не выше локтя, сотканные из переплетенных строк и абзацев, с крошечными перьями вместо пальцев, они с писком бросились к пострадавшим книжным полкам. Их маленькие черные лапки ловко подхватывали обугленные свитки, накладывая на ожоги пергамента шины из свежей туши, вписывая на месте выжженных букв временные суррогатные руны, консервируя поврежденные тексты.

— Держите периметр, мелюзга, — тихо сказал им Вадим, не отводя взгляда от дредноутов за окном. — Скоро сюда полезет их абордажная пехота. Канцеляристы Чистого Листа не оставят попыток войти лично, когда поймут, что калибры главного калибра завязли в моих чернилах.

Свиток Первоначал под его левой рукой внезапно дернул-

ся сильнее.

Его первая печать — та, что из черного воска, изображавшая рыбу, глотающую собственное перо, — дала тонкую, волосяную трещину. Из трещины пробился луч пронзительного лазурного света, столь яркого и древнего, что даже ревущий Водопад Чернил на мгновение окрасился в глубокий сапфировый оттенок.

[Внимание! Артефакт «Свиток Первоначал» реагирует на семантический конфликт!]

[Резонанс возрос до 96.1 %]

[Свиток желает быть прочтенным.]

[Внимание: Расшифровка Первой Строки потребует 100% концентрации Архивариуса и полного снятия персональных защитных барьеров!]

Вадим стиснул зубы. Снять защиту прямо сейчас, когда за тонкой чернильной завесой висят три тысячи орудийных стволов Инквизиции, готовых сфокусировать огонь в одну точку?

Это было чистым самоубийством.

Или единственным возможным шагом вперед.

Потому что Водопад Чернил, при всей его колоссальной мощи, не мог держаться вечно. Даже бездонные резервуары Седьмого Океана имели дно, а его личные запасы Редакторской Эссенции истощались со скоростью горного обвала. Рано или поздно корабли Малахии найдут брешь, синхронизируют фазовые частоты своих орудий и прожгут чернильный

барьер направленным импульсом аннигиляции.

А там, за Скрипторием, в глубине бесконечных анфилад, спали мириады миров. Там были архивы судебных, где хранились записи о каждом человеке, каждом звере, каждом листке на дереве, когда-либо существовавшем в погибших вселенных. Если золотой огонь доберется до Корневого Каталога, само понятие прошлого перестанет существовать. Будет только стерильное, белое, мертвое «Сейчас», в котором никогда ничего не происходило.

— Ну уж нет, святоши, — Вадим опустил кончик Сило к полу и с силой вогнал его в щель между порфиловыми плитами, замыкая контур заклинания.

Чернильный водопад взревел с удвоенной яростью. Плотность потока возросла настолько, что свет снаружи перестал проникать вовсе. Скрипторий погрузился в глубокий, бархатный полумрак, нарушаемый лишь лазурным свечением треснувшей печати на Свитке Первоначал и бледными системными сообщениями, зависшими в воздухе.

[Режим: Стационарный Чернильный Заслон активирован]

[Время автономной работы барьера без прямой поддержки оператора: 04:59 мин.]

[Внимание: По истечении таймера барьер сколлапсирует, вызвав локальный информационный прилив!]

Пять минут.

Триста секунд чистого времени.

За этот срок он должен был либо взломать первую печать Инкунабулы Творения и обрести Слово, способное разнести флот Инквизиции на элементарные типографские знаки, либо превратиться в горстку белесого пепла на полу собственного читального зала.

Вадим опустил на одно колено прямо в чернильную лужу, не обращая внимания на то, как холодная маслянистая влага пропитывает ткань штанов. Он положил пульсирующий Свиток перед собой на порфиновую плиту.

За стеной чернил, в пустоте междумирья, гулко ударили колокола флагмана «Санкта Табула».

Бомбардировка продолжалась. Золотые снаряды с воем и грохотом впивались в черную ревущую стену, рождая тонны светящегося пара, сотрясая основы мироздания, выбивая из стен Скриптория вековые камни. Но пока чернила текли — Библиотека держалась.

Вадим поднес большой палец правой руки к зубам, до крови прикусил подушечку и прижал выступившую алую каплю, смешанную с чистой маной девяностого порядка, прямо к треснувшей печати.

— Читайся, мразь, — тихо выдохнул он.

Печать раскололась, и первая строчка древнейшего в мире текста хлынула ему прямо в открытый разум.

Глава 2. Вход в Зал Первоначал

Текст не читался глазами — он взламывал черепную коробку изнутри.

Первая строчка Свитка Первоначал была написана не чернилами и даже не светом. Это была застывшая воля Нулевого Времени, чистейшая первородная семантика, существовавшая еще до того, как в мироздании раздался первый звук и вспыхнула первая звезда. Она хлынула в сознание Вадима подобно раскаленному добела свинцу, заливаемому прямо в обнаженные нейроны.

[Внимание! Инициализирован прямой контакт с прото-лексемой Класса «Альфа-Ноль»!]

[Идет сканирование структуры души Архивариуса...]

[Интеллект: 1 480 (+420 от Экипировки Хранителя)]

[Мудрость: 1 290]

[Контроль Текста: 99 ранг (Предельный)]

[Ментальная нагрузка: 380 000 Тбайт/сек. Внимание: риск разрушения когнитивной матрицы — 41.2%!]

[Срабатывает пассивный навык «Палимпсест Памяти» (Ранг: Мифический). Избыточное семантическое давление перенаправлено в резервные слои душевного свитка.]

Вадим захрипел. Кровь брызнула из ноздрей, закапала на порфиновую плиту, но он не отвел руки от свитка. Пальцы свело судорогой, суставы побелели, а стило в правой ладони завибрировало с такой частотой, что воздух вокруг него запел на ультразвуковой ноте, расщепляя пылинки на элементарные типографские литеры.

— Держись, Архивариус! Не вздумай отключиться! — звонкий, резкий, как щелчок переплетного пресса, голос Пагины пробился сквозь грохот в ушах.

Она возникла рядом в вихре золотистых бумажных лепестков. Пагина — оживший кодекс, воплощенная память утраченных библиотек, принявшая облик высокой, гибкой девушки с кожей цвета благородного старинного веллума и волосами, струящимися страницами из полупрозрачного шелка, на которых беспрерывно проступали и исчезали строки комментариев. Ее глаза горели холодным сапфировым огнем — зрением существа, видящего не материю, а текст, лежащий в ее основе.

Она ударила ладонями о пол по обе стороны от Вадима, и из ее пальцев вырвались толстые шелковые шнуры-закладки, оплетая его плечи, перехватывая запястья, стабилизируя контур его рассеивающейся маны.

[Синхронизация с Фамильяром-Хранителем «Пагина»: 98%]

[Эффект умения «Критический Аппарат»: когнитивная нагрузка разделена пополам!]

[Стабильность разума восстановлена: 89%]

Мир вокруг обрел резкость.

Скрипторий дрожал. За стеной ревущего чернильного водопада, удерживающего прорыв Инквизиции, гремела канонада. Золотые снаряды флагмана «Санкта Табула» методично вбивали в барьер тысячи тонн концентрированной святой догмы. Каждый удар отдавался в костях сухим треском. С потолка, украшенного фресками с изображениями забытых титанов мысли, сыпалась штукатурка, обнажая балки из окаменевшего черного дуба.

[Таймер Чернильного Заслона: 03:41... 03:40...]

— У нас меньше четырех минут, Вадим! — крикнул из сумрака зала Грох.

Оруженосец переплетов стоял у основания винтовой лестницы, уперев в пол исполинский башенный щит «Апокриф», скованный из пластин тяжелого свинца и инкрустированный листами железной летописи. Его плечи шириной в сажень напряглись; тяжелые латы стонали под давлением ударных волн, просачивавшихся сквозь чернильную толщу. Рядом с ним, в тени аркады, бесшумно перебирала пальцами Кира по прозвищу Стервятница — мастер вычеркивания, лучший ассасин-редактор, чьи парные стилеты из застывшей черной туши жаждали перерезать глотку любому, кто осмелится переступить порог.

Чуть поодаль, склонившись над треножником с курильницей, торопливо чертил защитные круги старик Орест —

верховный скриптор-компилятор отряда. Из его деревянно-го протеза вместо левой руки с сухим шелестом выскакивали металлические перья, выцарапывая на порфире формулы противодействия догматическому экзорцизму.

— Они подтягивают Архи-Таран, — глухо бросил Орест, поправляя на носу сложную оптическую систему из трех шлифованных линз. — Если «Санкта Табула» применит Глагол Очищения, этот барьер не просто упадет — он испарится вместе с нами, не оставив даже черновика от наших душ!

— Не применит, — выдохнул Вадим, поднимаясь на ноги. Ноги дрожали, но взгляд стал предельно ясным. Текст первой строки улегся в его памяти, развернувшись в сложнейшую пространственную схему. — Потому что нас здесь уже не будет.

Он повернулся спиной к ревущему чернильному водопаду и посмотрел в глубь Скриптория.

Там, в алтарной нише, где сходились двенадцать полукруглых арок из базальта, возвышалась она — Бронзовая Мембрана.

В обычных каталогах ее стыдливо именовали «Архивной Перегородкой Нулевого Сектора». Но любой, кто имел доступ к запретным томам Эпохи До Заглавия, знал истинное имя этой преграды. Это была Литая Мембрана Первоначал — фрагмент титанического листа сплава меди, олова и первичной материи, отлитый Первыми Творцами для того, чтобы отделить заверченный, сверстаный и отредактирован-

ный мир от чудовищного хаоса отбракованных вариантов.

Она не отражала свет. Ее поверхность, покрытая густой, темно-зеленой патиной тысячелетий, непрерывно рябила, словно пленка на поверхности остывающего бульона. На бронзе не было замков, засовов или рунических цепей. Только миллионы крошечных, хаотично пульсирующих вмятин, в которых угадывались очертания нерожденных иероглифов, недописанных слогов и оборванных на полуслове божественных заповедей.

— Бронзовая Мембрана... — прошептала Кира, подходя ближе, ее клинки тихо звенели от нарастающего резонанса. — Легенды не ввали. Она действительно пульсирует, как живая вена.

— Это не вена, — Вадим подошел к мембране вплотную, чувствуя, как от металла исходит волна сухого, металлического жара, пахнущего грозой, раскаленной типографской гарью и озоном. — Это клапан сброса смыслового давления. За ней — Зал Первоначал. Место, где покоятся все неудачные черновики нашего мироздания. Вселенные, в которых гравитация работала наоборот. Миры, где свет имел плотность камня, а время текло по спирали. Творцы выбросили их туда, захлопнули эту створку и залили бронзой, чтобы эти чудовищные парадоксы не заразили чистый текст реальности.

— И мы добровольно лезем в эту помойку демиургов? — хмыкнул Грох, не опуская щита, хотя звук канонады снару-

жи нарастал, и в чернильной стене уже начали появляться первые ослепительно-белые трещины святого огня.

— Либо туда, либо на костер Инквизиции, где из твоих связок совяют закладки для молитвословов, — отрезала Пагина. Она повернулась к Вадиму: — Как ее вскрыть? Свиток дал ключ?

— Свиток дал не ключ. Он дал грамматическую ошибку, — ответил Вадим. На его губах появилась злая, хищная усмешка, знакомая соратникам по десяткам смертельных рейдов в глубины Забытых Стек. — Мембрана держится на законе абсолютной логической непроницаемости. Чтобы открыть ее, нужно предложить ей конструкцию, которую мироздание не способно ни подтвердить, ни опровергнуть. Парадокс Первого Порядка.

[Таймер Чернильного Заслона: 02:15...]

[Внимание! Внешний урон по барьеру превысил 1 200 000 ед. Святого Давления/сек!]

[Началась деградация структуры чернил! Время до прорыва сокращается!]

— Живее, парень! — гаркнул Орест, лихорадочно бросая в курильницу щепотку перетертого в пыль метеоритного пергамента. Вспыхнуло лиловое пламя, на мгновение укрепив угасающие контуры зала. — Они заряжают «Главу Судилища»! Еще минута — и нас расплющит!

Вадим встал перед Бронзовой Мембраной. Его Стили, выкованное из кости первородного левиафана и увенчанное пе-

ром из адамантия, вспыхнуло черным пламенем высшей маны Архивариуса.

— Пагина, дай мне якорный синтаксис! Грох, Орест, Кира — сомкнуть круг! Держитесь за мои плечи. Если кто-то отстанет хоть на шаг во время фазового перехода, его размажет по плоскости бронзы тонким слоем цитат!

Отряд без лишних слов выполнил команду. Грох вбил свой колоссальный щит в спину Вадима как несокрушимую опору, Кира вцепилась в ремни брони громилы, ее пальцы побелели от напряжения. Орест встал по правую руку, выставив вперед механическое перо, готовое купировать любые побочные всплески энтропии. Пагина обвила левую руку Вадима шелковыми строками своих волос, сливая резервуар своей маны с его источником.

[Объединенный пул маны группы: 84 000 / 84 000]

[Режим: Коллективная Экзегеза активирован]

Вадим занес Сило над мерцающей патиной.

Он не стал писать руны. Он вывел острием прямо по металлу фразу, полученную из первой строки расколотого Свитка — фразу на языке Адамова Синтаксиса, где каждое слово весило больше, чем горный хребет:

«ТО, ЧТО НАПИСАНО ЗДЕСЬ, НИКОГДА НЕ БЫЛО ЗАДУМАНО, НО ЕСЛИ ОНО СУЩЕСТВУЕТ — ЗНАЧИТ, ТВОРЕЦ ОШИБСЯ».

Острые сило со скрежетом вспороло бронзу. Металл закричал.

Это не было фигурой речи — из разреза действительно вырвался протяжный, стонущий, механический вой, словно гигантская струна лопнула в чреве планеты. Из щели хлынуло не пламя и не кровь, а густая, переливающаяся всеми цветами спектра ртутная взвесь — первородный несвязанный смысл, еще не ставший материей.

[Ошибка компиляции реальности: Код 0x00000-PARADOX]

[Логический контур Бронзовой Мембраны не отвечает!]

[Нарушение плотности границы между Чистовиком и Черновиком: 99.9%]

[Внимание: Входная червоточина нестабильна! Гравитационный сдвиг!]

— Вперед! — взревел Вадим, наваливаясь всем телом на раскаленное Стило и выворачивая его в разрезе, словно гигантский лом.

Бронза не раскололась — она размякла, превращаясь в тягучую, бурлящую воронку расплавленного металла, затягивающую пространство внутрь себя.

В этот же миг позади них раздался звук, похожий на раскалывание небесного свода.

Золотой Иконокласт флагамена «Санкта Табула» пробил Чернильный Заслон. Стена чернил лопнула миллионами кипящих черных брызг. В пролом, ослепляя, выжигая сетчатку глаз, хлынул нестерпимый, стерильный белый свет инквизи-

торского суда. Впереди этого потопа летели сотни золотых цепей с крючьями-стигматами, предназначенными для вытягивания душ еретиков.

— Архивариус Вадим! Именем Истинного Канона — стой и будь стерт! — прогремел голос Верховного Инквизитора Малахии, усиленный тысячью медных труб.

— Поцелуй меня в колофон, Малахия! — рывкнул Вадим и шагнул в бронзовую пасть.

Отряд рухнул следом.

Падение сквозь Мембрану не было падением в пространстве. Это было падение сквозь смысловые слои.

Каждую клетку тела Вадима выворачивало наизнанку. Ему казалось, что невидимый гигантский корректор берет его существование, скоблит лезвием по сухожилиям, стирая личные местоимения, заменяя глаголы действия пассивным залогом, вычеркивая воспоминания детства, чтобы подогнать его под формат небытия.

[Критическое семантическое давление!]

[Ваше тело временно переведено в статус: «Неутвержденная концепция»]

[Очки Здоровья: 142 000 / 142 000 -> 98 000 -> 64 000 (утечка в пользу энтропии)]

[Пассивный навык «Иммунитет Архивариуса»: сопротивление декомпиляции повышено на 75%!]

— Держите строй! — голос Вадима звучал глухо, слов-

но он говорил сквозь толщу сырой глины. — Не размыкайте пальцев! Пагина, закладку!

Шелковая лента вспыхнула яростным алым пламенем, намертво стягивая их пятерых в единый клубок. Сзади, в закрывающуюся бронзовую воронку, с воем влетел луч золотого инквизиторского света. Он успел лизнуть край щита Гроха — толстый свинец мгновенно побелел, вскипел и осыпался пеплом чистейшей святости, лишив артефакт доброй трети его прочности.

Но затем бронзовые края Мембраны сомкнулись с чудовищным металлическим лязгом.

Свет погас. Вой преследователей оборвался, словно захлопнули дверь в горящую печь.

Наступила тишина.

Такой тишины не бывает в сотворенных мирах. В любом мире, даже самом мертвом, всегда что-то звучит: шелестит космический ветер, распадаются атомы, гудит реликтовое излучение, тикают невидимые часы вселенской энтропии.

Здесь же тишина была абсолютной. Это была тишина чистой страницы, на которую еще не опустилось перо.

Они падали — или поднимались, разобрать направление было невозможно — еще несколько мгновений, пока ощущение полета внезапно не прекратилось. Твердь возникла под ногами без удара, мягко, словно они ступили на толстый слой слежавшейся бумажной пыли.

— Все... целы? — выдохнул Грох. Он тяжело опустился

на одно колено, поддерживая изувеченный щит, от которого все еще шел едкий дымок сожженного металла.

— Минус сорок процентов запаса туши в стилетах, — хрипло отозвалась Кира, отряхивая кожаный доспех. Ее пальцы подрагивали, но глаза алчно сканировали темноту. — И мое левое предплечье... взгляните на него.

Она подняла руку. Кожа на предплечье была покрыта не волосками или порами, а мелкой, едва различимой сеткой типографских крестиков приводки — знаков, которые печатники ставят на полях для выравнивания красок.

— Декомпиляция начальной стадии, — констатировал Орест, доставая из поясной сумки флакон с густым синим раствором медного купороса и чернильного орешка. Он щедро плеснул жидкостью на руку ассасина. Жидкость зашипела, смывая знаки, возвращая плоти нормальный вид. — Пейте закрепляющий тоник, все до единого. Если здесь задержаться без защиты, мы сами превратимся в черновики.

Вадим не слушал их. Он медленно поднял голову и зажег на кончике Стило тихий, ровный огонек нейтрально-серого света.

— Добро пожаловать, господа, — негромко произнес он, и его голос породил странное, ломаное эхо, распадающееся на согласные звуки. — В Зал Первоначал. В мусорную корзину Бога.

Свет Стило расширился, разгоняя предвечную мглу, и перед ними открылась панорама, от которой даже у бывалых

ветеранов перехватило дыхание.

Здесь не было неба. Не было горизонта. Не было стен.

Они стояли на краю циклопической плиты из темного сланца, парящей в бездонном фиолетово-черном ничто. Эта плита была лишь одной из миллиардов подобных платформ, лестниц, гигантских полуразрушенных колоннад и брошенных архитравов, хаотично дрейфующих в пустоте.

Но страшнее и величественнее всего было то, что находилось между этими островами камня.

Там плавали миры.

Точнее — их зародыши, их уродливые, брошенные на полпути наброски.

Чуть выше их платформы медленно вращалась сфера размером с небольшую луну. Но у нее не было твердой коры: сквозь прозрачную мембрану незавершенной атмосферы было видно, как внутри бурлят океаны из чистого жидкого золота, на которых покачивались континенты, имеющие форму правильных равносторонних треугольников. На этих треугольниках вздымались горы, похожие на гигантские раскрытые книги, но на них не было жизни — только бесконечные математические формулы, горящие в недрах базальта зеленым фосфором.

[Объект: Черновик № 404-Бис]

[Концепция: «Мир Идеальной Геометрии»]

[Статус: Отбракован Демиургом на стадии тектогенеза. Причина: Скука Творца, отсутствие внутреннего

конфликта.]

В другой стороне в пустоте висел остов колоссального существа — скелет змея длиной в тысячи километров, чьи ребра были выстроены из застывших лучей света, а вместо черепа зияла черная дыра, медленно втягивающая в себя комки недописанной протоплазмы.

Вокруг плавали гигантские чернильные кляксы размером с континенты — сгустки концентрированной первоматерии, выплеснутые в порыве демиургического гнева, когда замысел не удавался. Некоторые из этих клякс шевелились. В их недрах угадывались пульсирующие конечности, слепые глаза величиной с городские площади и миллионы открывающихся и закрывающихся ртов, беззвучно шепчущих слова на забытых наречиях.

Гравитация здесь была прихотливой: стоило посмотреть вниз, как ступни ощущали притяжение нижней плоскости плиты, но стоило взглянуть на висящую вдалеке арку — и внутреннее ухо подсказывало, что «низ» теперь находится там.

— Великие Библиотекари... — благоговейно выдохнула Пагина, прижимая ладони к груди. Ее шелковые страницы затрепетали, жадно впитывая разлитую в воздухе эманацию творения. — Сколько здесь... несбывшегося. Сколько ненаписанных историй. Сколько жизней, которые были отвергнуты простым росчерком пера...

— Не романтизируй свалку, девочка, — скривился Орест,

его механический окуляр непрерывно вращался, издавая тихое жужжание шестеренок. — Черновики опасны. Незавершенная мысль стремится завершить себя любой ценой. Если этот недописанный шлак почует в нас готовую, стабильную форму — он попытается сожрать нашу плоть и душу, чтобы дописать свои убогие главы.

Словно в подтверждение его слов, темная пустота под их платформой шевельнулась.

[Внимание! Обнаружена пространственно-текстовая аномалия!]

[Фиксация враждебного намерения Класса «Редакторский Кошмар»!]

[Инициализация боевого интерфейса...]

Сланец под их ногами вздрогнул. Из трещин между камнями повалил густой, едкий пар, пахнувший жженой резиной и типографской гарью.

В ста метрах от них, прямо из фиолетового вакуума, начала вылезать масса.

Сначала показалось, что это просто гигантский ком скомканной бумаги, выброшенный небрежной рукой гиганта. Но ком начал разворачиваться, расправлять складки, являя миру нечто циклопическое и гротескное.

Это было существо, сотканное из обрывков сотен различных реальностей. У него были лапы бронированного ящера, высеченные из неограненного алмаза, туловище из сплетенных между собой бронзовых часовых механизмов, из кото-

рых сочилась черная маслянистая слизь, и семь голов. Каждая голова представляла собой искаженное, незаконченное лицо божества: у одного не было глаз — вместо них зияли круглые типографские печати; у второго рот был намертво зашит золотой проволокой; третье состояло целиком из бушующего синего пламени, в котором кружились горящие буквы.

Над чудовищем вспыхнул багровый системный маркер, заставивший даже Вадима сжать рукоять Стило до хруста в суставах:

[Элитный Страж Свалки: Абберация Отбраковки — Семиглавый Полиграф]

[Уровень: 101 (Превосходящий)]

[Класс: Концептуальный Левиафан Небытия]

[Очки Здоровья: 8 500 000 / 8 500 000]

[Очки Воли Творца: 1 200 000 / 1 200 000]

[Особенности: Иммуитет к стандартной магии стихий. Уязвимость к чистому редактированию и критическому синтаксису.]

[Пассивный навык «Давление Ошибки»: Снижает защиту всех законченных сущностей в радиусе 300 метров на 40%!]

— Сто первый уровень... — прохрипел Грох, перехватывая изувеченный щит поудобнее и вставая в глухую стойку. — Вадим, мы же только что из мясорубки! У меня половина баффов на перезарядке!

— Спокойно, — не повышая голоса, скомандовал Вадим. В его глазах вспыхнул расчетливый, холодный огонь истинного Архивариуса 99-го уровня. — Это не зверь и не демон. Это бракованная мысль. А любая бракованная мысль имеет логическую уязвимость. Пагина — раскрыть метаданные твари! Кира — в тень, твоя цель — сухожилия левой алмазной лапы, там нет сочленения, автор забыл его прописать! Орест — готовь разжижитель смысла, лейте его под лапы этой туше!

— Принято! — отозвались соратники. Паника исчезла, уступив место безупречной выучке отряда, прошедшего вместе сотни смертоносных томов.

Семиглавый Полиграф взревел.

Звук его рева не распространялся по воздуху — он ударил прямо по системным логам. У всех членов группы перед глазами заплясали искаженные строчки системных сообщений, буквы начали распадаться на пиксели, интерфейс затрещал.

[Атака: «Семантический Скрежет»!]

[Ваш слух атакован концепцией бесконечного диссонанса!]

[Получен периодический урон: 12 000 ед. ментальной деструкции каждые 2 сек.]

— Пошел! — рявкнул Грох.

Его исполинское тело окуталось тусклым стальным свечением. Он активировал свой коронный навык паладина-переплетчика:

[Активировано умение «Железный Оклад: Глухая Цензура»!]

[Аггро-генерация повышена на 500%!]

[Все негативные эффекты ментального типа перенаправлены на щит!]

Грох со всего маху вогнал край щита в сланец платформы. Волна кинетической и концептуальной энергии ударила навстречу наступающему левиафану. Тот, перебирая несоразмерными лапами, ринулся вперед. Платформа ходила ходунком под его весом — каждый шаг алмазных когтей выбивал из камня тучи светящихся искр.

Голова из синего пламени разинула пасть и изрыгнула поток белого, раскаленного концепт-огня — пламени, способного стирать материю на атомарном уровне.

Грох принял удар на себя. Свинцовые пластины его щита взвыли, металл потек, но паладин стоял как вкопанный, вены на его шее вздулись толщиной с палец, из-под шлема текла кровь.

— Держу! Мать его за обложку, держу! — прорычал он сквозь зубы.

В этот момент Кира исчезла.

Она не просто применила невидимость — она использовала классовый навык [Вымарывание из Контекста]. Ее фигура превратилась в полупрозрачную черную черту, подобную зачеркнутому слову в черновике, и скользнула прямо под брюхо ревущей твари.

Два ее стилета — «Черная Тушь» и «Сепия» — вонзились точно в то место, которое указал Вадим: в основание задней лапы, где алмазная чешуя грубо, без сустава и связок, переходила в часовые шестерни.

[Критический удар в незавершенную анатомию!]

[Нанесен урон: 480 000 (Игнорирование брони!)]

[Эффект «Потеря равновесия»: Существо кренится на левый борт!]

Полиграф взвыл сразу шестью глотками, заваливаясь набок. Шестерни в его брюхе со скрежетом провернулись, брызнув фонтаном вонючей масляной жижи.

— Орест, сейчас! — крикнул Вадим, взлетая над платформой с помощью пассивного навыка мантии Хранителя [Свободный Полет Мысли].

Старик-компилятор вскинул механическую руку. Из кончиков его металлических перьев с шипением вырвался веер стеклянных ампул, наполненных сверкающим серым порошком.

— Кушай, уродец! Растворитель абсолютных истин, выдержка шестьсот лет! — прокаркал старик.

Ампулы разбились о часовой механизм в груди чудовища. Порошок мгновенно вступил в реакцию с черным маслом. Металл начал стремительно ржаветь, рассыпаться в труху, зубчатые колеса лопались одно за другим, словно перезрелые орехи.

[Скорость передвижения цели снижена на 65%!]

[Регенерация заблокирована!]

— Пагина! Вскрывай каркас! — Вадим завис прямо над пылающей головой твари, его Стило в правой руке разгорелось нестерпимым антрацитовым сиянием.

Девушка-кодекс взмыла следом за ним. Ее шелковые волосы расплелись на тысячи тончайших светящихся нитей, которые вонзились во все семь голов чудовища одновременно, натягиваясь как струны гигантской арфы.

[Умение «Критический Анализ Текста: Экспликация Уязвимостей»!]

[Скрытое Ядро чудовища обнаружено: Третий шейный позвонок центральной головы!]

[Статус Ядра: Нескомпилированная авторская мысль.]

— Я нашла его, Вадим! Бей в третью шею! Там сидит парадокс, породивший эту дрянь! — крикнула она, и ее лицо искажилось от боли — ментальная отдача чудовища жгла ее собственные духовные каналы.

Полиграф почуял смертельную угрозу. Его слепая голова с зашитым ртом внезапно разорвала золотые нити швов. Из открывшейся бездны вырвался вихрь из миллиардов острых, как бритва, металлических букв — типографская карточка колоссальной убойной силы, нацеленная прямо в Вадима и Пагину.

— Назад не сдавать! — прохрипел Грох. Он бросил оплавленный башенный щит, метнулся вперед и закрыл собой ос-

нование шелковых нитей Пагины, приняв часть металлического вихря на свои истерзанные латы. Доспехи трещали, металл впивался в мясо, полоска здоровья танка рухнула в красную зону — до жалких 12%, но он удержал позицию.

Это дало Вадиму те самые две секунды, которые решали исход битвы.

Он не стал уклоняться от летящих в него букв. Он выставил вперед левую руку, активируя умение девяностого уровня:

[Применено умение «Автографический Щит Архивариуса»!]

[Входящий урон поглощен и преобразован в ману: +45 000 MP!]

А затем его правая рука со Стило пошла вниз.

Это был не физический удар. Это был акт высшего авторского права.

Вадим применил способность, которую он открыл всего несколько минут назад, когда кровь и мана раскололи печать Свитка Первоначал — способность, ради которой Инквизиция готова была сжечь дюжину звездных систем:

[Активировано Древнее Слово Инкунабулы: «DELEATUR» (Да будет вычеркнуто)!]

[Затраты маны: 75 000 (Весь текущий резерв!)]

[Цель: Концептуальное Ядро Семиглавого Полиграфа]

С острия алмазиевого пера сорвался не луч и не мол-

ния. Совался простой, идеально прямой, абсолютно черный графический знак — перечеркивающая линия, переходящая в петлю вычеркивания, какую редакторы ставят на полях рукописей, приговаривая лишнее слово к смерти.

Знак ударил точно в третью шею чудовища.

Время замерло.

Вся циклопическая туша Полиграфа — его алмазные лапы, ржавеющие механизмы, пылающие головы — внезапно потеряла объем. Существо стало плоским, словно рисунок на пожелтевшем листе бумаги. Затем по этой двухмерной проекции пробежала паутина тонких черных линий вычеркивания.

Монстр не вскрикнул. Он не взорвался.

Он просто начал распадаться на отдельные буквы, типографские знаки, запятые, тире и вопросительные знаки. Миллиарды светящихся символов хлынули из него фонтаном, закружились в гигантском водовороте и осыпались на сланец безвредной, мерцающей пепельной пылью.

[Бой завершен!]

[Уничтожен: Элитный Страж Свалки: Семиглавый Полиграф (Уровень 101)]

[Получено опыта: 18 500 000 (С учетом штрафа за групповой бой)]

[Уровень группы сохранен. До следующего уровня Вадима: 42 000 000 EXP]

[Получена добыча:

1. «Сердечник Несостоявшегося Механизма» (Материал ранга «Мифический») — 1 шт.
2. «Алмазная Пыль Отбраковки» — 450 гр.
3. Фолиант Забытой Концепции: «Трактат о Шестимерном Грехе» (Неопознано) — 1 шт.]

Вадим тяжело приземлился на колени, едва успев подпереть себя тупым концом Сило. Дыхание вырывалось из груди со свистом, из носа снова капала кровь — откат от использования Древнего Слова был чудовищным. Все его тело ныло, словно по нему проехался печатный станок весом в сотню тонн.

Пагина мягко опустилась рядом, ее руки легли ему на виски, вливая живительную, прохладную ману восстановления:

— Тише, тише... Ты сжег почти все каналы. Нельзя применять «Deleatur» на полную мощность без предварительного прогрева матрицы души.

— Зато... сработало, — криво усмехнулся Вадим, стирая кровь с подбородка тыльной стороной ладони.

К ним подошли остальные. Грох со стоном сбросил остатки нагрудника, обнажая покрытую глубокими кровоточащими порезами грудь. Орест уже суетился вокруг него, замазывая раны едкой белой мазью из истолченного мела и связующего клея:

— Терпи, железяка. До свадьбы заживет. Если, конечно, мы найдем здесь хоть одну невесту, кроме этих недописанных химер.

— Ну их к бесу, таких невест, — проворчал Грох, но послушно замер под пальцами целителя. — Вадим, ты видел, сколько у этой твари было здоровья? Восемь с половиной миллионов! Если здесь каждый рядовой бродяга такого калибра — у нас быстро кончатся зелья и заплатки.

— Здесь нет рядовых, — Вадим поднялся на ноги, опираясь на плечо Пагины. Он взглянул на россыпь мерцающей пыли, оставшейся от монстра. — Это место — чистилище идей. Здесь выживают только самые жизнеспособные чудовища, чья внутренняя логика оказалась слишком упрямой, чтобы просто раствориться в небытии.

Кира подобрала с земли тяжелый металлический цилиндр — Сердечник Механизма, внутри которого все еще вращались крошечные, тонкие, как волосок, шестеренки:

— И куда нам теперь? Свалка бесконечна. Мы можем блуждать по этим летающим обломкам до скончания времен, пока не кончится провизия или пока Инквизиция не придумает, как пробить Бронзовую Мембрану с этой стороны.

Вадим не ответил сразу. Он вынул из-за пазухи Свиток Первоначал.

Артефакт изменился.

Трещина на его печати расширилась, но теперь из нее не сочился слепящий свет. Напротив — свиток словно принюхивался к окружающему пространству. Древний пергамент вибрировал, и его вибрация передавалась каменной плите под их ногами.

Внезапно свиток дернулся в руках Вадима, указывая своим верхним концом строго в одну точку — сквозь фиолетовый сумрак, в самую глубь бескрайней бездны Зала.

Вадим прищурился, активируя [Взор Архивариуса].

Далеко-далеко, на расстоянии многих десятков лиг, сквозь дрейфующие обломки мертвых миров и застывшие чернильные кляксы, пробивалось свечение.

Но это был не золотой, фальшивый свет Инквизиции и не холодный свет звезд.

Это было ровное, пульсирующее, лазурно-серебряное сияние. Сияние гигантского дерева или кристаллической колонны, уходящей бесконечно вверх и бесконечно вниз. Вокруг этой колонны медленно вращались колоссальные кольца из чистого света, на которых, словно планеты на орбитах, покоились двенадцать циклопических книг, закованных в адамантий и первородную медь.

[Обнаружен ключевой ориентир: Корневой Каталог Мироздания]

[Дистанция: Не определена (Метрика пространства нестабильна)]

[Уровень доступа: Требуется все Три Печати Инкунабулы]

[Текущий статус: 1 / 3 печатей дешифровано]

— Вон туда, — тихо сказал Вадим, указав кончиком Стило на далекий лазурный столб. — Там находится Корневой Каталог. Там лежит Инкунабула Творения — первая книга, в

которой был записан черновой вариант нашего мира до того, как его отредактировали и загнали в рамки Канона.

— И там же... — Пагина затаила дыхание, ее сапфировые глаза расширились, отражая далекий свет Каталога, — там хранится Первородный Исходник? Возможность переписать реальность с нуля?

— Именно, — кивнул Вадим. Он оглядел своих соратников: израненных, уставших, покрытых пылью отбракованных миров, но не сломленных. — Если Малахия и его святоши доберутся туда первыми, они нажмут клавишу «Очистить все». Они сотрут все миры, где есть хоть капля несовершенства, сомнения или свободы воли. Останется только их стерильный молитвенный канон.

Грох сплюнул кровавую слюну под ноги и подобрал с земли свой изуродованный, но все еще грозный щит:

— Значит, выбора нет. Идем вперед и бьем каждого, кто посмеет встать между нами и этой чертовой книгой.

— Дорога легкой не будет, — предостерег Орест, всматриваясь в бездну между парящими островами. — Там впереди — Пояс Отвергнутых Богов. Сущности, которых забыли включить в пантеон. Они голодны, злы и ненавидят все, что имеет завершенную форму.

Вадим усмехнулся. Он взвесил в руке адамантиевое Стило, чувствуя, как в глубине его сознания разворачивается вторая строка древнего свитка, готовая к расшифровке.

— Пусть ненавидят, — произнес Архивариус, шагая к са-

мому краю каменной плиты, туда, где начиналась шаткая тропа из дрейфующих в пустоте обрывков недописанных законов физики. — У нас с собой лучшее оружие против любого бога.

Он поднял стило к глазам:

— У нас есть право на редактуру. За мной!

Глава 3. Эволюция в Владыку Инкунабул

Шаг в пустоту отозвался не свистом ветра и не глухим ударом подошвы о камень, а сухим, шуршащим шелестом миллиона переворачиваемых страниц.

Шаткая тропа, по которой ступил Вадим, не подчинялась привычным законам гравитации. Она состояла из застывших в полураспаде понятий: куски недописанных гравитационных констант мерцали тусклым фосфоресцирующим светом, обрывки недосформулированных уравнений термодинамики закручивались в медленные спирали под ногами, грозя в любой момент вывернуться наизнанку и превратить идущего в бесплотный пучок векторов. Здесь, на внешней кромке Корневого Каталога, мироздание еще не знало, должно ли яблоко падать на землю или взмывать к зениту, взрываясь снопом первичных фотонов.

— Держите строй! — не оборачиваясь, бросил Вадим. Его голос прозвучал странно: каждый слог мгновенно дробился на спектральные эхо-строки, словно фраза сначала отпечатывалась в невидимой матрице, а уже затем обретала акустическую плотность. — Не смотрите вниз. В разломах между фрагментами — мусорная корзина компилятора. Если сорветесь, вас не убьет. Вас просто деиндексируют. Система сотрет упо-

минания о вас из всех реестров сущего, включая воспоминания ваших матерей.

Шедший следом Грох глухо зарычал, опуская забрало шлема. Его тяжелые кованые сапоги с лязгом впечатывались в зыбкую поверхность, высекая не искры, а россыпи мелких, быстро гаснущих типографских литер. Адамантиевый щит воина, иссеченный когтями чудовищ из нижних секторов архива, гудел на низкой, тревожной ноте: зачарованный металл сопротивлялся хаосу необработанных данных, пытавшихся растворить его форму в базовых текстурах.

— Плевать на деиндексацию, командир, — прохрипел гигант, перехватывая рукоять массивного молота. — Пусть сначала попробуют стереть мой левый хук. Но эта дрянь под ногами... она шевелится. Будто мы идем по кишкам какого-то недоделанного титана.

— Так и есть, — тихо отозвался Орест. Следопыт двигался плавно, почти невесомо, его серый плащ сливался с мерцающей дымкой протоколов. В левой руке он держал визирный кристалл, сквозь грани которого пространство рассеклось сеткой координатных параллелей. — Мы ступаем по плоти мертворожденных вселенных. Смотри, Грох: вон тот булыжник слева — это зачаток галактики, в которой создатель забыл прописать закон сохранения массы. А вон та трещина — парадокс времени, убивший целое скопление звезд до того, как они успели зажечься.

Пагина шла третьей, прижимая к груди тяжелый серебря-

ный кодекс. Ее сапфировые глаза лихорадочно сканировали пространство. Тонкие пальцы девушки непрерывно плели защитные узлы из эфирных нитей, удерживая вокруг группы сферический купол стабильности. Вокруг сферы непрерывно бились, шипели и лопались искаженные смыслы — ментальная радиация Несбывшегося.

— Вадим, — позвала она, и в ее голосе звенело напряжение натянутой струны. — Давление на купол растет по экспоненте. Пояс Отвергнутых... они чувствуют нас. Для них наше присутствие — как капля живой крови в чане с формалином. Мы завершены. Мы оформлены. Мы — то, чем они так и не смогли стать.

Вадим не ответил, лишь крепче сжал алмазное Стило. Металл рукояти был обжигающе холодным, но сердцевина артефакта вибрировала, резонируя с пульсацией его собственного духовного ядра.

Сто два тома. Сто два бесконечных круга странствий по овеществленным библиотекам, выгоревшим свиткам цивилизаций, разрушенным базам данных погибших богов. Он начинал простым переписчиком низшего ранга, пыльным регистратором чужих триумфов и трагедий. Но сейчас, на пороге Корневого Каталога, багаж накопленных истин давил на плечи тяжестью целого мироздания.

Внезапно мерцающая мгла впереди сгустилась, приобретая омерзительный, жирный багрово-черный оттенок. Пространство дрогнуло.

**[Внимание! Вы вошли в зону локальной аномалии:
Пояс Отвергнутых Богов]**

[Плотность черновой материи: 94.8%]

[Внимание: Физические константы дестабилизированы]

**[Эффект среды: «Голод Невоплощенного» — Снижение регенерации маны и выносливости на 70%.
Ментальная стойкость проверяется каждую секунду]**

Из клубящегося тумана, соткавшегося из отвергнутых концепций, вынырнула исполинская туша. У нее не было постоянной геометрии: в одно мгновение она напоминала многорукого титана, сотканного из черного воска и незастывшей магмы, в следующее — распадалась на кластер пульсирующих фасеточных глаз, из которых сочилась сырая, ядовитая концептуальная энергия. На том месте, где у божества должен был находиться лик, зияла рваная пустота, перечеркнутая грубыми, пульсирующими красным светом рунами редакторского вымарывания.

**// REJECTED: CONCEPT CONFLICTS WITH
MONOTHEISTIC CORE //**

// STATUS: DELETED FROM CANON //

— Верните... — взревело существо, и звук этот не сотряс воздух, а ударил прямо по мозгам, отдаваясь металлической болью в зубах. — Верните нам имена! Верните нам плоть! Почему нас вычеркнули из свитка бытия?! Почему вам дано дышать, а мы гнием в сносках?!

Следом за первым чудовищем из провала вывалились еще десятки. Некоторые выглядели как грубо обтесанные полигональные болванки божеств, не успевшие получить текстур и божественных искр. Другие представляли собой гротескные гибриды абстрактных идей: хищные геометрические фигуры, пожирающие собственные грани, крылатые змеи с телами из расплавленных букв мертвого языка.

— Грох, держать фронт! — скомандовал Вадим, делая шаг вперед. — Пагина, резонанс третьего канона, закрепи плоскость под нашими ногами! Орест, глуши их семантические связи!

— Уже! — рявкнул Грох.

Богатырь с размаху вогнал нижнюю кромку своего адамантового щита в зыбкую породу тропы. Раздался оглушительный звон, похожий на удар колокола.

[Навык: «Нерушимый Текст» активирован]

[Создан сектор абсолютной плотности. Геометрия пространства зафиксирована в радиусе 15 метров]

Первая волна отвергнутых тварей врезалась в невидимый барьер, поднявшийся над щитом Гроха. Раздался хруст, словно ломались гигантские сухие кости. Сущность с зачеркнутым ликом обрушила на барьер град ударов — десятки восковых рук молотили по воздуху, каждая порождала микроскопические разрывы континуума. Грох осел на одно колено, из-под его забрала брызнула алая струйка крови, но зубы воина были сжаты в свирепом оскале.

— Крепкие, суки! — прохрипел он. — Они бьют не по броне! Они пытаются вычеркнуть само понятие «прочность» из моего доспеха!

— Держись, неповоротливая гора! — Пагина вскинула руки, и серебряный кодекс в ее пальцах раскрылся, зашелестев страницами с яростной скоростью пулемета. — «Глава Сорок Седьмая: Об Утверждении Формы»! Да пребудет неизменным то, что названо именем существительным!

Светло-голубые цепи вырвались из страниц ее книги, оплетая доспехи Гроха, стягивая расползающиеся швы реальности, возвращая щиту его абсолютную монолитность.

Тем временем Орест выпустил из пальцев веер мерцающих стилетов, выкованных из чистой логики. Лезвия вонзались в бесформенные туши нападающих, вызывая короткие замыкания в их искаженных структурах: твари замирали, путаясь в собственных причинно-следственных связях, их конечности начинали спорить с их туловищами, разрывая монстров на части.

Но отвергнутых богов было слишком много. Из бездны поднимались сотни, тысячи забытых идолов. Это было кладбище творческих черновиков целой мультивселенной — бесконечный океан обиды и ярости, готовый захлестнуть крошечный островок порядка.

Один из фантомов — чудовищный сгусток тьмы, увенчанный треснувшей золотой короной, из которой сочилась черная жижа первичного хаоса, — сумел просочиться сквозь

сетку Ореста. Сгусток метнулся прямо к Вадиму, разевая пасть размером с могильную плиту:

— Твой разум станет нашим вместилищем, переписчик! Мы войдем в Канон через твои кости!

Вадим даже не дрогнул.

Он плавно поднял Сило, целясь наконечником точно в центр приближающейся экзистенциальной пасти. Его зрачки сузились, превратившись в узкие вертикальные прорезы, сквозь которые пробивалось ровное, белое сияние абсолютного знания.

— Отказано, — сухо произнес Архивариус. — Ввиду полной стилистической и логической несостоятельности.

Кончик Сило вспыхнул.

[Применен базовый навык редактора: «Удаление Маргиналий»]

Вадим сделал короткий, филигранный росчерк в воздухе. Золотистая черта рассекла тварь пополам. Но монстр не просто распался на две части — он начал таять, словно чернильная клякса под струей чистого спирта. Его вопль растворился в белом шуме, а останки распались на цепочки блеклых нулей и единиц, мгновенно поглощенных вакуумом.

Однако это была лишь капля в море. Окружающий мрак давил все сильнее. Барьер Пагины истончался, на серебряном переплете ее кодекса появилась паутинка трещин. Грох глухо стонал под непрекращающимися ударами многорукого исполина, его колени погружались в зыбкую почву уже по

самые наколенники.

— Вадим! — крикнул Орест, отступая на полшага. Его стилеты таяли прямо в воздухе, не успевая долетать до целей. — Мы не удержим их числом! Здесь нарушен баланс массы и действия! Они бесконечны, потому что они — нереализованный потенциал!

Вадим опустил взгляд на свою левую ладонь. Там, прямо под кожей, пульсировали две темные геометрические печати, в то время как третья — первая по счету — уже горела чистым лазурным пламенем, взломанная еще у врат Архива.

[Текущий статус дешифровки Инкунабулы: 1 / 3]

[Угроза критического коллапса группы: 89%]

[До Корневого Каталога: Недостижимо при текущем ранге доступа]

«Значит, пришло время», — подумал Вадим. Внутри него не было страха. Сто один том странствий выжгли из его души сомнения, оставив лишь холодную, кристальную ясность цели. Если для того, чтобы пройти Пояс Отвергнутых и спасти миры от стерилизации Малахии, требовалось заглянуть в бездну Первоисточника — он сделает это прямо здесь, под рев умирающих черновиков.

Он вонзил острое адамантиевого Сило прямо в центр второй печати на собственной ладони.

Боль была чудовищной. Это была не физическая боль разрываемой плоти — это было ощущение того, как в твоё сознание насильно, под давлением в миллионы атмосфер, за-

качивают терабайты необработанного концептуального кода.

— Вадим, что ты делаешь?! — в ужасе вскрикнула Пагина, заметив вспышку за его спиной.

— Взламываю вторую печать, — сквозь сжатые зубы выдавил он. Кровь, закапавшая с его пальцев, была не красной — она светилась густым, густым индиго, светящимся неоновым огнем. — Держите оборону еще десять секунд. Мне нужно... переопределить контекст!

[Иницирован принудительный взлом: Вторая Печать Инкунабулы — «Синтаксис Черновика»]

[Внимание: Прямое подключение к нескомпилированным пластам Архива!]

[Внимание: Риск необратимого повреждения личности — 99.4%]

Перед мысленным взором Вадима взорвался калейдоскоп видений.

Он увидел мир до того, как в нем появились горы, моря и разумные существа. Он увидел черновик божественного замысла — гигантское полотно, испещренное исправлениями, зачеркиваниями, гневными пометками демиургов на полях. Он увидел тысячи цивилизаций, которые были придуманы за мгновение до сна и забыты на следующее утро. Он увидел, почему боги отвергли этих созданий: не из-за злобы, а из-за лени, страха и нехватки мастерства. Творцы просто бросали свои неудачные наброски здесь, на свалке, обрекая их на вечное полусуществование.

И в этот момент Вадим почувствовал не отвращение. Он почувствовал глубокую, щемящую жалость.

«Вы не монстры, — послал он мысль в бушующую вокруг тьму. — Вы просто забытые строки. Вас некому было отредактировать».

Вторая печать на его руке с оглушительным треском раскололась, осыпавшись лазурными искрами.

[Вторая Печать Инкунабулы успешно дешифрована!]

[Получен доступ к слою: Необработанная Семантика]

[Реакция среды: Фиксация аномального резонанса...]

Но Вадим не остановился. Он знал законы этой вселенной: полумеры здесь убивали быстрее, чем бездействие. Не вынимая Сило из раны, он повернул его, вспарывая третью, последнюю печать — «Печать Первопричины».

Мир вокруг замер.

Звуки битвы — рычание Гроха, шелест страниц Пагины, вой отвергнутых богов — мгновенно угасли, словно кто-то выдернул кабель из гигантского динамика реальности. Капли крови, летевшие из разбитой губы Гроха, зависли в воздухе алыми рубинами. Монстры застыли в нелепых, изломанных позах, их когти замерли в миллиметрах от трепещущего купола.

Время остановилось. Пространство схлопнулось в беско-

нечно малую точку, а затем развернулось вновь — но уже в абсолютно ином качестве.

Вадим стоял посреди безбрежного, ослепительно белого пространства. Здесь не было ни верха, ни низа, ни горизонта. Только бесконечные колонны золотого и сапфирового текста, уходящие в бесконечность. Это были не просто слова — это были базовые директивы существования. Фундаментальные операторы, определяющие, почему свет быстрее тьмы, почему любовь способна порождать жертвенность, и почему всякая форма стремится к распаду, если ее не поддерживает воля наблюдателя.

И посреди этой белизны перед ним возник колоссальный интерфейс. Но это больше не были привычные синие полупрозрачные окна Системы, к которым он привык за сотню томов.

Это были плиты из черного полированного базальта, на которых буквы горели холодным, незамутненным пламенем Первоначала.

[Инициация Протокола Идентификации: «Абсолютный Свидетель»]

[Сканирование сущности: Вадим...]

[Анализ пройденного пути: Тома 1 — 101]

**[Количество исправленных искажений реальности:
14 892 041]**

**[Количество сохраненных миров от деструктивного
отката: 894]**

[Уровень понимания природы ошибок Мироздания: Предельный]

Буквы на базальтовых плитах запульсировали быстрее, наливаясь ослепительным платиновым светом.

[Внимание! Базовые директивы Системы признают исключительный статус носителя!]

[Вы не являетесь пользователем]

[Вы не являетесь администратором]

[Вы осознали суть Черновика и боль Невоплощенного]

[Система распознает в вас Хранителя Высших Истин]

[Текущий класс «Великий Архивариус Бесконечных Библиотек» признан недостаточным для выполнения фундаментальных задач текущей эпохи]

[Инициирован процесс Высшей Эволюции Клас-са...]

Тело Вадима пронзила волна невыразимой мощи.

Его одежда — старый, пропыленный плащ библиотекаря, сшитый из ткани пространственных складок, — начала распадаться на первородные нити. На смену ей пришло одеяние иного порядка: струящаяся мантия глубокого полуночного цвета, по подолу которой медленно текли золотые строки Исходного Кода. Каждая буква в этих строках жила собственной жизнью, рождая и гася микроскопические галактики в складках ткани.

Его Стил — некогда простой артефакт из адамантия и меди — раскалилось добела, переплавляясь прямо в его сжатом кулаке. Металл потек, смешиваясь с кровью дешифрованных печатей, впитывая в себя свет Корневого Каталога. Когда свечение угасло, в руке Вадима покоилось нечто совершенно новое: граненый жезл-стил из прозрачного звездного хрусталя, внутри которого пульсировала тончайшая, толщиной в один атом, нить первородного пламени Творения.

Его физические параметры, духовные каналы, мыслительные центры — все подверглось тотальной перекомпиляции. Нервная система перестроилась так, чтобы напрямую считывать потоки данных вселенной без малейшей задержки.

Голос Системы, гремевший в его разуме, теперь звучал не механически, а подобно хору миллиардов голосов, шепчущих истину в предрассветной тишине:

[Поздравляем! Ваш класс эволюционировал!]

[Новый класс: ХРАНИТЕЛЬ ИСХОДНОГО КОДА / ВЛАДЫКА ИНКУНАБУЛ]

[Ранг: Трансцендентный (Уникальный, внесистемный)]

[Базовые характеристики пересчитаны в соответствии с новым статусом:]

[Сила: Индекс физического воздействия заменен на Концептуальную Плотность (Ранг: Творец)]

[Ловкость: Метрика перемещения заменена на

Квантовую Вездесущность в пределах активного контекста]

**[Интеллект: Снят лимит системного восприятия.
Доступ к Корневой Памяти Мироздания: 100%]**

[Мудрость: Трансформирована в атрибут «Авторитет Кано́на»]

[Получены классовые способности и привилегии Владыки Инкунабул:]

1. [Право Первой Вычитки (Пассивное)]

Вы видите реальность не в ее готовом виде, а на уровне исходного синтаксиса. Любая атака, направленная против вас или ваших спутников, раскладывается на составляющие операторы. Вы способны обнаружить уязвимость, ошибку логики или концептуальную дыру в заклинании или действии любого существа, включая божеств Высшего Пантеона.

2. [Инкунабула: Возвращение к Черновику (Активное)]

Вы способны временно или навсегда снять с объекта, существа или локации статус «Завершенного Текста». Цель теряет свои защитные параметры, благословения и системные привилегии, возвращаясь в состояние сырого, податливого материала, готового к полной переработке. Затраты: Ментальная стабильность.

3. [Печать Первородного Синтаксиса (Активное)]

Взмахом обновленного Стилоса вы вольны вписать в ткань реальности новое фундаментальное правило, локально отменяющее законы текущего Кано́на. Правило действует до

тех пор, пока ваша воля поддерживает его структуру.

4. [Компиляция Милосердия (Уникальное / Внесистемное)]

Способность взаимодействовать с бракованными, отвергнутыми и удаленными сущностями. Вы больше не обязаны уничтожать то, что не вписалось в Канон. Вы можете дать им форму, завершить их смысл и даровать им покой в структурах Нового Бытия.

[Все Три Печати Инкунабулы полностью дешифрованы!]

[Уровень доступа к Корневому Каталогу: ПОЛНЫЙ]

[Метрика пространства синхронизирована]

Белый свет схлопнулся.

Время сорвалось с тормозов и с грохотом ринулось вперед.

Звуки обрушились лавиной. Монстр с зачеркнутым лицом, чьи восковые лапы за секунду до этого почти проломили щит Гроха, издал торжествующий вопль, предвкушая триумф...

И в этот момент Вадим просто выдохнул.

Это не было боевым кличем или заклинанием. Это был выдох мастера, который долго смотрел на чужую бездарную, кривую мазню и наконец взял в руки кисть, чтобы все исправить.

Волна невидимой, но всесокрушающей плотности вырва-

лась из его тела. Это не была ударная волна разрушения — это была волна Абсолютного Порядка.

В радиусе ста метров пространство мгновенно очистилось от хаоса. Шаткая, вибрирующая тропа под ногами на глазах затвердела, превратившись в широкую, монументальную дорогу из полированного белого мрамора, по краям которой вспыхнули ровные сапфировые светильники. Гравитация стала мягкой, идеальной, естественной. Воздух, до этого пахнувший гарью и тленом старых бумаг, наполнился ароматом горного озона и свежих типографских чернил высшей пробы.

Монстры замерли.

Отвергнутые боги, несшиеся вперед волной безумия, внезапно остановились как вкопанные. Их искаженные, бесформенные тела начали дрожать. Черные руны вымарывания на их телах вспыхнули белым светом.

Грох, тяжело дышавший на одном колене, медленно поднял голову. Его глаза за прорезями шлема полезли на лоб: — Мать божья... Вадим?.. Это... что с тобой стало?

Вадим медленно повернулся к соратникам.

Его фигура казалась монументальной, словно высеченной из предвечной тьмы и звездного света. Вокруг его головы мягко мерцал терновый венец из светящихся глифов — знак признания Системы, корона Того, Кто Стоит Над Текстом. Хрустальное Стило в его пальцах оставляло в воздухе тонкие следы золотой взвеси.

— Я просто прочитал сноски, Грох, — спокойно ответил Вадим. Его голос теперь звучал так, словно сама реальность соглашалась с каждым произнесенным им словом. — И понял, как закончить эту главу.

Пагина выронила свой серебряный кодекс. Книга упала на мраморные плиты, но не захлопнулась — ее страницы сами собой зашелестели, смиренно замирая перед аурой человека, стоявшего перед ними. Девушка смотрела на него со смесью благоговейного ужаса и безграничного восхищения.

— Владыка Инкунабул... — прошептала она пересохшими губами. — Древнейший класс первой редакции... Легенда времен компиляции Альфа-версии... Он существует.

Вадим перевел взгляд на армию отвергнутых сущностей. Твари не нападали. В их глазах — сотнях фасеточных, огненных, пустых глазниц — первобытная ярость сменилась немим, отчаянным молением. Они, создания первородного хаоса, впервые увидели перед собой не палача с ластиком и не святошу с цензурными ножницами.

Они увидели Того, кто умел писать.

— Вы голодны, потому что вы незакончены, — произнес Вадим, обращаясь к тысячам замерших чудовищ. — Малахия назвал вас скверной и выбросил во тьму. Творцы сочли вас ошибкой и забыли стереть за собой мусор. Но в Исходном Коде нет ошибок. Есть только замыслы, которым не хватило терпения.

Он поднял хрустальное Стили высоко над головой.

[Активирован навык: «Компиляция Милосердия»]

[Расход концептуальной энергии: 45%]

[Масштаб охвата: Весь Пояс Отвергнутых Богов]

Вадим сделал широкий, величественный росчерк в воздухе, словно ставил финальную, безупречную точку в конце грандиозной поэмы. Золотая нить вырвалась из острия артефакта, взмыла ввысь и разорвалась над бездной гигантским куполом тончайшей световой сети.

Сеть опустилась на армию чудовищ.

Там, где золотые нити касались искривленных тел, происходило чудо.

Многорукий титан перестал плавиться — черная смола его плоти превратилась в благородный базальт, восковые руки сложились в молитвенном жесте, а на месте рваной пустоты проступил строгий, прекрасный лик древнего бога-хранителя. Бесформенные хищные твари обретали гармонию линий: изломанные углы сглаживались, ядовитый огонь становился чистым светом звезд.

Они не умирали. Они обретали свою истинную, завершенную форму.

Существа падали на колени прямо в пустоте, склоняя головы перед Владыкой Инкунабул. Из их грудей поднимались крошечные искры благодарности — чистейшая эссенция первородного смысла, которая тончайшими ручейками устремлялась к Вадиму, восполняя потраченную ману и укрепляя его духовный стержень.

А затем преображенные божества начали медленно растворяться, превращаясь в сияющие мосты, башни и арки, соединяющие дрейфующие острова в единую, нерушимую систему. Они добровольно становились опорами нового мира — фундаментальными константами, которые больше никто не сможет вычеркнуть.

Впереди, сквозь рассеявшийся багровый туман, во всем своем циклопическом величии предстал Корневой Каталог Мироздания.

Лазурный столб, о котором Вадим говорил соратникам, больше не казался далеким и недостижимым. Теперь он возвышался прямо перед ними — колоссальная ось творения, сотканная из кристаллизованного первородного света, вокруг которой вращались гигантские адамантиевые кольца с корешками Первых Книг Бытия.

[Препятствие «Пояс Отвергнутых Богов» преодолено]

[Статус пути: Свободен]

[Обнаружена сигнатура противника: Первосвященник Малахия и карательный корпус «Ордена Чистого Канона»]

[Дистанция до Корневого Каталога: 3 километра]

[Цель противника: Инициация протокола «Format Reality»]

Орест подошел к краю мраморной тропы, вглядываясь вперед сквозь грани своего кристалла. Его губы тронула хо-

лодная, хищная усмешка:

— Святоши уже у подножия Каталога, Вадим. Они выставили свои молитвенные треножники и заливают чистый эфир стерилизующим составом. Они уверены, что мы сгинули в брюхе Отвергнутых.

Грох с грохотом вскинул свой молот на плечо, разминая затекшую шею. На его доспехах не осталось ни единой царапины — аура нового класса Вадима исцелила все раны и обновила зачарования брони до недостижимого прежде уровня.

— Ну что, командир? — прогудел гигант, и в его голосе звенело нетерпение бойцового пса, сорвавшегося с цепи. — Пойдем и покажем Малахии, как выглядит настоящая цензура?

Пагина подняла свой кодекс. Ее пальцы больше не дрожали. В глазах девушки горело ровное сапфировое пламя — отражение первозданной Инкунабулы.

— Они думают, что владеют истиной, потому что выучили наизусть несколько отредактированных молитв, — тихо сказала она. — Но они забыли, кто держит в руках перо.

Вадим опустил Сило к бедру. Шелковая мантия Владыки Инкунабул тихо шуршала на ветру, рожденном дыханием Корневого Каталога. Миллиарды строк исходного кода пели в его крови, послушные малейшему движению его мысли.

Он посмотрел вперед — туда, где белые одежды фанатиков Малахии оскверняли лазурный свет колыбели мироздания.

— Время черновых набросков вышло, — произнес Архивариус, делая первый шаг по мраморному мосту навстречу своей судьбе. — Начинается чистовик. За мной!

Глава 4. Погоня в пространстве черновиков

Мраморный мост под сапогами Вадима не просто закончился — он оборвался, растворившись в ослепительной взвеси незавершенных смыслов.

Каждый шаг вперед отзывался в подошвах не звоном полированного камня, а глухой, упругой отдачей сырого первовещества. Здесь, на пороге Корневого Каталога, само пространство теряло привычную монолитность. Оно выглядело так, словно демиург, проектировавший этот сектор творения, в спешке бросил работу на стадии грубой раскадрировки: исполинские пилоны, призванные подпирать своды Зала Первоначал, существовали лишь в виде сияющих каркасных сеток; парящие острова застыли незамкнутыми геометрическими фигурами, а граница между твердью, воздухом и чистым смыслом мерцала, как полупрозрачная калька, наложенная на чертеж.

[Внимание: Вы покинули стабильный контур «Пояс Отвергнутых Богов»]

[Текущая локация: Зал Первоначал — Пространство Черновиков (Низший Редакторский Слой)]

[Коэффициент топологической устойчивости: 31.8% (Критическая пластичность)]

[Внимание: Базовые константы физического мира не зафиксированы. Доступны прямые манипуляции через класс «Архивариус Миров: Владыка Инкунабул»]

[Текущий резерв Изначальных Чернил: 94 200 / 100 000 единиц]

[Враждебная активность: Обнаружено развертывание 12 догматических узлов подавления]

— Они не просто идут к Каталогу, — хрипло бросил Орест, прижимая к глазу граненый монокль из радужного кристалла Истинного Зрения. Его пальцы нервно перебирали рунические насечки на медной оправе. — Малахия выставил авангард перехвата. Три когорты Чистильщиков Канона, полсотни Догматических Ликторов и как минимум шестеро Магистров Индексации. Они перекрывают узловые платформы черновика. Хотят сварить нас в концентрированной белизне прежде, чем мы приблизимся на дистанцию прямого начертания!

Впереди, на расстоянии полукилометра, посреди хаоса парящих обломков незавершенных миров, вздымались слепаще-белые стяги инквизиции. Орден Чистого Канона действовал с хирургической, беспощадной методичностью. Они не бежали вперед сломя голову — они выжигали саму возможность существования чего-либо, кроме своей стерильной догмы.

Тяжелые треножники из матового серебра, ввинченные

прямо в нестабильные пласты первородного тумана, исторгали густые струи едкого состава. Это было так называемое «Священное Забеливание» — субстанция, стирающая любые вариации, любые альтернативные черновики реальности, превращая живую, дышащую протоматерию в гладкий, безжизненный гипс догматического стандарта.

[Действие среды: «Стерилизация Смысла»]

[Эффект: Все незарегистрированные сущности в радиусе действия получают дебафф «Цензурный Ожог» — снижение скорости каста на 45%, периодический урон святым огнем 12 500 ед./сек, запрет на ветвление способностей]

— Гляньте на этих маляров, — прорычал Грох. Великан шел чуть впереди, закрывая спутников широченной спиной. Его адамантиевый башенный щит, напитанный новой аурой Вадима, гудел на низкой, вибрирующей ноте, разбивая на ползающие белесые испарения на безвредные искры. — Думаю, замажут все побелкой — и мир станет праведным? Вадим, дай отмашку. Мой молот истосковался по их полированным шлемам!

— Не спеши ломать лоб о подготовленную оборону, друг мой, — холодно отозвался Вадим.

Владыка Инкунабул медленно поднял правую руку. В его пальцах покоилось Стило — артефакт концептуального ранга, выкованный из кристаллизованного отрицания пустоты. Острые пера мягко светилось густым, чернильно-фиолето-

вым маревом, оставляя в воздухе тонкие следы, похожие на трещины в оконном стекле.

Мир перед глазами Вадима давно перестал быть просто набором трехмерных объектов. Его восприятие, перекованное сотым уровнем и титулом Владыки Инкунабул, препарировало реальность до фундаментального синтаксиса. Он видел каркасные линии напряжения, удерживавшие парящие террасы; видел математические векторы сил, привязывавшие вес тел к несуществующему полу; видел жирные, тяжелые цепочки догматических скриптов, которыми инквизиторы пытались забетонировать подвижный хаос Черновика.

— Пагина, — скомандовал Вадим, не оборачиваясь. — Подготовь развертку страниц. Нам нужна траектория обхода по нисходящей спирали. Орест — сбивай их метрические прицелы. Грох... держись рядом. Когда я открою брешь — ты станешь точкой опоры.

— Поняла, мастер! — звонко откликнулась Пагина.

Девушка распахнула свой гигантский сапфировый кодекс. Страницы фолианта зашелестели с яростью урагана, выбрасывая в воздух каскады светящихся глифов. Синева ее глаз вспыхнула ярче полуденного солнца. Из книги вырвались широкие ленты чистейшего пергамента, сотканного из спрессованного звездного эфира, и, извиваясь, словно живые змеи, устремились вперед, создавая временные подвесные мостки прямо над зияющей бездной незавершенного творения.

— Они заметили нас! — крикнул Орест. Его монокль яростно запульсировал алым. — Батареи «Праведного Гекзаметра» берут упреждение! Залп через четыре... три...

С передовой платформы инквизиторов, где на широком монолите из белого мрамора выстроились три шеренги стрелков в глухих латах с крестообразными забралами, сорвался громоподобный гул. Двенадцать массивных мортир, стрелявших застывшими каноническими формулами, изрыгнули снопы слепящего ультрамаринового пламени.

Снаряды — тяжелые, граненые цилиндры из освященного свинца, исписанные мелким текстом Непреложных Аксиом, — неслись по идеальным параболическим дугам. Каждый из них весил не менее сотни пудов и нес в себе концепт «Окончательной Точки»: попадание такого снаряда не просто взрывало плоть, оно фиксировало состояние жертвы как «Мертв», минуя расчет очков здоровья и сопротивлений.

[Внимание! Зафиксирована атака концептуального типа: «Артиллерия Непреложной Точки»]

[Количество целей: 12]

[Расчетная вероятность стирания группы: 89.4%]

— Фиксация траекторий через Евклидову метрику? — Вадим позволил себе легкую, презрительную усмешку. — Какая наивность. Вы притащили законы готового мира туда, где мир еще даже не скомпилирован.

Стило в руке Архивариуса описало резкую, восходящую дугу. На кончике пера сверкнула капля Изначальных Чер-

нил.

— [Режим Правки Черновика: Локальная Ревизия Синтаксиса], — негромко произнес Вадим.

Его голос не звучал громко, но в нем прорезалась тяжесть миллиардов страниц, перевернутых за эпоху существования Корневого Каталога.

— [Параметр: Пространственная Кривизна. Функция: Свертка Пространства в Цилиндр Коши].

Реальность перед мостом сжалась со звуком сминаемого плотного ватмана. Прямо на пути летящих снарядов воздух вдруг переломился под неестественным углом в сто двадцать градусов. Ландшафт Черновика выгнулся навстречу сам себе: мраморная плита инквизиторов оказалась одновременно и впереди, и вверху, и строго сбоку.

Снаряды «Непреложной Точки», следовавшие жестко запрограммированным баллистическим траекториям, влетели в зону деформированной геометрии. Векторы их движения сошли с ума: первый снаряд свернул вправо и прошел пустоту, второй закружился по замкнутой петле Мебиуса, а остальные четыре, повинуясь искаженному градиенту пространства, развернулись на сто восемьдесят градусов и понесли обратно на позиции инквизиторских треножников.

Раздался оглушительный треск. Белые мраморные плиты передового редута Ордена взлетели на воздух в фонтанах ослепительного щебня и святой пыли. Десятки фанатиков в белых коттах взвыли, когда их собственные «Окончательные

Точки» вонзились в строй тяжелой пехоты, намертво стирая из бытия целые взводы карателей.

[Нанесен урон вражескому авангарду: 4 850 000 ед. концептуального распада]

[Уничтожено: 14 Догматических Ликторов, 2 Магистра Индексации]

[Получено опыта: 18 200 000]

[Вражеская линия дезорганизована]

— Вперед! — крикнул Вадим. — Не давать им опомниться!

Грох взревел, как раненый титан, и первым ринулся по пергаментным лентам Пагины. Под его чудовищным весом ленты даже не прогнулись — магия девушки удерживала конструкцию с прочностью титановых балок. Следом за ним, скользя над поверхностью с грацией хищных птиц, устремились Орест и Пагина, а замкнул шествие сам Вадим, чьи полы шелковой мантии вздымались от завихрений рождающихся и умирающих констант.

Но инквизиция не была бы бичом тринадцати мультивселенных, если бы сдавалась после первой оплеухи.

Из облака белой пыли, поднявшейся над разбитым редутом, выступила фигура чудовищных пропорций. Это был не человек — автоматоноподобный Инквизитор-Цензор Высшего Ранга. Четырехметровый колосс из белого электрума, чье лицо заменяла гигантская, полированная стальная пластина с выгравированным знаком «[REDACTED]». В од-

ной руке монстр сжимал титанический двухручный эспадон с лезвием в виде типографской гильотины, в другой — массивный фолиант в цепях, источавший абсолютный холод догматического покоя.

— ЕРЕСЬ НЕИСПРАВЛЕННОГО БЫТИЯ, — прогрехотал голос гиганта, разносившийся словно из пустой железной бочки. — ВЫ БУДЕТЕ ИЗЪЯТЫ ИЗ ТЕКСТА. ВЫ БУДЕТЕ ВЫРЕЗАНЫ ДО КОРНЯ. [АКСИОМА ПЕРВАЯ: ТЯЖЕСТЬ ДОЛГА ПРЕВЫШЕ ВСЕГО]!

Цензор с размаху вонзил клинок в каменное основание платформы.

Волна тяжелой, удушающей силы ударила по Пространству Черновиков. Это не было обычное гравитационное закливание — это было навязывание базового закона падения. Инквизитор силой своего класса закрепил в этом нестабильном секторе параметр «Абсолютного Низа».

И этот «низ» находился на дне бездны, в бесконечном резервуаре утилизации Корневого Каталога, куда сбрасывались неудачные редакции вселенных.

Вся группа мгновенно ощутила, как их тела наливаются свинцом. Грох осел на одно колено, его щит с грохотом впечатался в пергаментный настил, проломив верхний слой. Пагина вскрикнула — кодекс в ее руках потяжелел настолько, что вывернул хрупкие запястья. Даже свет вокруг них начал загибаться книзу, словно фотоны обрели колоссальную массу и падали в бездну.

**[Внимание! Применено догматическое поле:
«Пресс Аксиомы: Вес Первородного Греха»]**

[Эффект: Гравитационная нагрузка увеличена в 80 раз]

[Скорость передвижения снижена на 90 %]

[Прочность опорных конструкций падает: 12% в секунду]

Сверху, пользуясь неподвижностью отряда, уже пикировали каратели на механических серафимах — крылатых конструктах из серебра и кости, держащих в руках пылающие копья очищения. Их было не меньше сорока. Они падали клином, нацелив острия точно в шею Вадима и сердце Пагины.

— Вадим... я не могу поднять молот! — проскрежетал зубами Грох, мышцы его шеи вздулись канатами, из-под пластин доспеха брызнули капли крови от запредельного давления. — Земля... она тянет меня, словно черная дыра!

— Потому что ты пытаешься бороться с тем, чего здесь нет, Грох, — спокойно ответил Вадим.

Он стоял абсолютно прямо. Тяжесть восьмидесятикратной гравитации бессильно стекала по его плечам, разбиваясь о ткань мантии Владыки Инкунабул. Там, где обычный игрок или даже полубог видел непреодолимый физический закон, Архивариус видел всего лишь строчку в неряшливом черновике, написанную чужим, кривым почерком.

Вадим сделал шаг вперед. Легко, словно гулял по весен-

нему саду.

— Инквизиторы так любят правила, — прошептал он, взмахивая Стилом. — Они молятся на гравитацию, потому что она держит их сапоги на шеях смертных. Но что будет с вашей праведностью, слуги Малахии... если я просто удалю переменную?

Острые Стилo рассекло воздух прямо перед Цензором.

Взору Вадима открылся плавающий программный блок текущего сегмента локации:

[Entity: Subspace_Platform_Alpha]

{

Anchor: Absolute;

Physics_Engine: Active;

Gravity_Vector: (0.0, -784.8, 0.0); // Override by

Inquisitor_Censor

Collision_Mask: Solid_Opaque;

}

Вадим даже не стал переписывать значение вектора на противоположное. Это было бы слишком банально. Это была бы просто магия метаморфоз или кинетизма, доступная любому захудалому архимагу.

Он действовал как редактор, карающий графомана.

— [Функция: Backspace], — тихо произнес Архивариус.

Его Стилo сделало горизонтальный вычеркивающий ро-счерк. Чернильная полоса на мгновение зависла в воздухе, перечеркивая фундаментальный код платформы, а затем с

тихим шипением растворилась, забрав с собой саму концепцию опоры и притяжения.

[Синтаксическая ошибка: Параметр «Gravity_Vector» удален]

[Ошибка компиляции: Опорная плоскость не имеет физических координат]

[Статус окружения: Неопределено (NULL)]

В то же мгновение мир под ногами нападающих прекратил свое существование как физический объект.

Это не было невесомостью, к которой привыкли исследователи астрала или космоса. Невесомость подразумевает нулевой вектор при сохранении инерции и массы. Вадим же стер саму причинно-следственную связь между массой и пространством под ногами врагов.

Цензор Высшего Ранга, только что гордо возвышавшийся над полем боя, вдруг дернулся. Его эспадон, намертво вогнанный в камень, внезапно перестал ощущать сопротивление материала — мрамор под лезвием превратился в бесплотный оптический обман, в несформированную текстуру без плотности.

— ЧТО... ЧТО ЭТО?! — взревел Цензор, когда его гигантское тело, лишенное какой-либо точки отсчета, неловко завалилось на бок.

Его тяжелые латы, весившие десятки тонн, не упали вниз и не взлетели вверх. Они потеряли способность взаимодействовать с платформой. Ноги полусотни инквизиторов, бро-

сившихся в рукопашную, провалились сквозь иллюзорный пол, словно сквозь мыльную пену.

Поскольку вектор гравитации был стерт именно *под их ногами*, а не во всем зале, возник колоссальный топологический сдвиг: верхняя половина тел карателей еще помнила остаточное давление «Первородного Греха», а нижняя — уже болталась в абсолютном координатном ничто.

Их строй разорвало с чудовищной силой. Механические серафимы, пикировавшие сверху, влетели в зону нулевой метрики на полной скорости. Без гравитационного якоря их гироскопы сошли с ума: многотонные серебряные птицы начали вращаться вокруг собственных осей с частотой турбины, сбивая друг друга, вспарывая крыльями ряды собственной пехоты и превращая атакующий клин в хаотично кувыркающийся клубок из оторванных конечностей, смятой брони и вопящих монахов.

— Гравитация стерта, — констатировал Вадим, не меняя тона. — А теперь... давайте зададим вам новое направление.

Второй росчерк Стило. На этот раз — косой, снизу вверх, с легким завитком на конце.

— [Сноска на полях: Вектор Смещения — Экспоненциальный Всплеск к Периферии].

Там, где секунду назад зияла пустота, воздух взорвался неистовым кинетическим потоком. Но этот поток не толкал — он переписал пространственные координаты каждого инквизитора, превратив их в переменные, стремящиеся к бес-

конечности.

Полсотни отборных бойцов Малахии, беспомощно барахтавшихся в отсутствии опоры, с оглушительным свистом сорвались со своих мест. Их швырнуло не просто в стороны — их раскидало по радиальным векторам, впечатывая в недостроенные стены Зала Первоначал, размазывая по силовым каркасам недописанных колонн и выбрасывая в глубокие провалы между черновиками.

Огромный Цензор попытался уцепиться за остатки собственного священного свитка, но Вадим даже не взглянул на него. Легкое шевеление пальцев — и пергамент инквизитора вспыхнул черным редакторским пламенем, рассыпаясь пеплом исправленных ошибок. Лишенный последней соломинки, четырехметровый автоматон, беспорядочно молотя в воздухе пустотелыми руками, ухнул в бездну, и его испуганный электронный вой еще долго эхом отдавался среди парящих архивов.

[Вражеский авангард полностью ликвидирован]

[Эффект «Пресс Аксиомы» аннулирован ввиду отсутствия носителя]

[Ваша группа восстановила мобильность]

[Потреблено Изначальных Чернил: 1 450 единиц]

[Текущий резерв: 92 750 единиц]

Грох тяжело выдохнул, поднимаясь на ноги и потряхивая головой. Давление исчезло мгновенно, и великан вновь почувствовал пьянящую легкость в суставах, которую дарова-

ла ему аура Вадима.

— Клянусь наковальней предков... — пробормотал он, глядя на пустую платформу, где от грозной когорты инквизиторов остались лишь брошенные треножники да несколько дымящихся кратеров. — Ты просто... вычеркнул пол у них из-под сапог? Вадим, ты чудовище. Я люблю тебя, командир, но иногда ты пугаешь меня до коллик в печенке.

— Это не жестокость, Грох. Это рациональная редакция, — спокойно ответил Вадим, стряхивая невидимую пылинку с острия Сило. — Зачем тратить силы на пробивание брони высшего качества, если можно стереть физическую концепцию, на которой эта броня функционирует? Идем. Малахия понял, что его авангард уничтожен. Он ускоряет ритуал.

Орест, не отрывая взгляда от моногля, внезапно побледнел. Его тонкие пальцы сжались на оправе так, что побелели костяшки.

— Плохо... дело дрянь! — выкрикнул следопыт. — Малахия не просто форматирует реальность, он активировал протокол ускоренной компиляции! Посмотрите вперед!

Вся группа устремила взоры вдаль, сквозь мерцающую мглу Пространства Черновигов.

Там, на колоссальной ступенчатой пирамиде из белого адаманта, венчавшей подножие Корневого Каталога, разворачивалось апокалиптическое действо. Первосвященник Малахия — сухопарый старик в ослепительно-белом тиаре, сплетенной из терний чистого платинового огня, — парил

в воздухе над гигантским алтарем. В его грудь был вживлен пульсирующий артефакт размером с человеческую голову — Сердце Догмата, питавшееся непосредственно от оскверненного узла Первоначал.

Вокруг пирамиды стояли сотни инквизиторов высшего круга. Они держали в руках серебряные чаши, из которых непрерывными потоками лился жидкий, светящийся реагент. Этот состав стекал по ступеням, заливая основание Каталога и превращая живые ветви мирового дерева смыслов в мертвый, стекловидный монолит.

Но страшнее всего было то, что происходило с самим пространством вокруг них.

Малахия не ждал их приближения. Он начал схлопывать Черновик с краев.

Гигантские адамантиевые кольца с корешками Первых Книг Бытия, вращавшиеся вокруг оси Каталога, заскрежатали. Пространство позади группы Вадима начало осыпаться, словно горящая бумага. Сектора, пилоны, платформы, оставшиеся позади — все это превращалось в ослепительно белое ничто, сжимающееся по направлению к пирамиде со скоростью курьерского поезда.

[Внимание! Инициирована фаза 1 протокола «Format Reality: Тотальная Санация»]

[Зона стирания расширяется от внешних границ к центру]

[Скорость схлопывания пространства: 180 метров в

секунду]

[Оставшееся время до полной стерилизации сектора: 3 минуты 40 секунд]

[Дистанция до Корневого Каталога: 2.4 километра]
— Он отрезает пути отхода и сужает круг! — крикнула Пагина, лихорадочно листая кодекс. — Если мы не достигнем платформы Каталога до смыкания фронта очищения, нас сотрет вместе с неподтвержденными черновиками! Мы даже возродиться не сможем — данных о нас просто не останется в системной таблице!

— Значит, побежим быстрее, — отрезал Вадим. В его глазах вспыхнул холодный азарт истинного демиурга, принимающего вызов зарвавшегося цензора. — Пагина, разворачивай сквозные пути! Орест — держи вектор на центральный алтарь! Грох — на тебе все, что попытается встать у нас на пути на полной скорости. Мы не принимаем бой. Мы проламываемся!

— Будет сделано! — рявкнул гигант.

Пагина взмахнула руками, и из ее кодекса вырвался ослепительный сапфировый вихрь. Ленты пергамента превратились в широкую световую магистраль, зависшую над пропастью. Отряд сорвался с места, развивая предельную скорость.

Это была безумная гонка на краю небытия.

Позади них с глухим, пожирающим любой звук гулом катилась стена абсолютной белизны. Она не оставляла после

себя обломков, не поднимала пыли — она просто аннулировала само понятие существования. Островки черновиков, вековые пилоны, блуждающие сгустки первородной маны — все исчезало, едва белизна касалась их контуров.

А впереди Пространство Черновиков продолжало корчиться в предсмертных судорогах. Малахия бросил на перехват последние резервы карательного корпуса.

Прямо по курсу движения группы пространство разорвалось, и из складок некалиброванной реальности вывалилась ударная цензурная фаланга: двенадцать механических джаггернаутов «Презумпция Вины», за которыми плотной стеной стояли сотни инквизиторов с щитами-стелами, сцепленными в глухую догматическую стену.

— [ДОГМАТ НЕПОКОЛЕБИМОСТИ]! — взревели сотни глоток фанатиков.

Их щиты вспыхнули единым золотым полем, материализуя концепт абсолютной преграды. Эта стена не имела показателей прочности. Согласно догмату Ордена, сквозь нее нельзя было пройти просто потому, что проход сквозь нее был объявлен «еретическим заблуждением».

— Вадим, стена абсолютная! — крикнул Орест, его монокль дымился от перегрузки. — Мои кристаллы не находят структурных трещин! Это аксиома прямого запрета!

— В готовом мире запрет абсолютен, — на бегу бросил Вадим, его ноги едва касались светящегося пергамента Пагины. — Но в Черновике любой запрет — это всего лишь

мнение автора, оставленное на полях. А я здесь — главный редактор!

Стило в его руке не просто начертало глиф — оно вонзилось прямо в ткань несущего пространства, словно нож в холст картины.

Вадим активировал способность, которую берег для встречи с самим Первосвященником:

— [Искусство Инкунабул: Вырезка Фрагмента]!

Перед несущейся на полной скорости группой возникла сияющая пунктирная рамка. Она охватила сектор пространства ровно по контуру вражеской фаланги — вместе с их несокрушимой стеной, джаггернаутом, щитами и истошными воплями фанатиков.

— [Команда: Вырезать в Буфер Обмена]!

Раздался странный, щелкающий звук, похожий на щелчок гигантских ножниц по плотному картону.

И целый сектор реальности шириной в тридцать метров и глубиной в пятьдесят просто... исчез. На его месте образовалась идеально ровная, прямоугольная дыра, сквозь которую проглядывала бездонная чернота системного кода нижнего уровня. Двенадцать джаггернаутов и сотня элитных инквизиторов перестали существовать в текущем кадре бытия, оказавшись во временном системном стеке памяти.

— Грох, мост! — скомандовал Вадим.

— ХА-ХА! ПОЛЕТЕЛИ! — взревел великан.

Он на полном ходу вбил свой молот в край образовав-

шейся пустоты, используя высвободившуюся кинетическую энергию, чтобы подбросить самого себя и своих товарищей. Пагина мгновенно подхватила импульс, протянув над зияющей прямоугольной дырой тончайшую паутину сапфировых строк:

[Строка 1042: «И они перешагнули через пустоту, ибо слово их было тверже камня»]

Сапоги Вадима ударили по светящимся буквам текста. Отряд ласточкой перемахнул через вырезанный фрагмент реальности, приземлившись на монолитные плиты нижнего яруса пирамиды Корневого Каталога.

Сзади с оглушительным схлопыванием белая стена санации поглотила оставленный позади мост, срезав полы мантии Вадима на какую-то долю миллиметра. Но они уже были здесь.

Они вырвались из Пространства Черновиков на твердую, стабильную почву циклопического фундамента Творения.

Прямо перед ними, в полусотне шагов вверх по широкой лестнице из первородного адаманта, возвышался алтарь. Малахия медленно повернул голову. Его глаза, выжженные святым безумием, горели ледяным белым пламенем. Сердце Догмата в его груди билось с частотой набата, сотрясая основы Корневого Каталога.

— Архивариус... — прошипел Первосвященник, и с его губ сорвалась капля кипящей платины. — Ты опоздал со своими каракулями. Чистый Канон уже прописан в ядре. Фор-

матирование необратимо!

Вадим медленно выпрямился. Он поднял Сило, целясь острием прямо в светящееся Сердце Догмата на груди первосвященника. Чернильная капля на конце пера набухла, вобрав в себя весь гнев растоптанных и отвергнутых миров.

— Ты забыл главное правило архивов, Малахия, — произнес Вадим, и голос его раскатился по ступеням пирамиды подобно раскату грома Судного Дня. — Черновик можно переписать. Но на чистовике — кровь смывается только вместе с автором. Приготовься к правке.

Глава 5. Взлом божественной цензуры

Слово «правка» упало в застывшую тишину пирамиды Корневого Каталога подобно капле раскаленного свинца на зеркальную гладь замерзшего озера.

Малахия не просто услышал его — он содрогнулся всем своим существом. Белое пламя, бывшее из его пустых глазниц, на мгновение дрогнуло, сменившись грязновато-серой рябью помех. Лицо Первосвященника, выточенное из священного гипса и скрепленное догматическими обетами, исказилось гримасой такого запредельного, космического бешенства, что адамантовые ступени под его коваными сапогами пошли сеткой микротрещин.

— Червь... — выдохнул он, и звук этот походил на скрежет циркулярной пилы по мрамору. — Забытый черновик! Случайная пометка на полях Великого Плана! Ты смеешь угрожать правкой мне? Гласу Истины? Том сто второй станет последним не только для твоих жалких архивов, Вадим. Он станет эпитафией всему, что посмело отклониться от утвержденного канона!

Сердце Догмата в груди первосвященника вспыхнуло с ослепляющей яростью. Это был не метафорический орган — в обнаженной грудной клетке Малахии, за ребрами из си-

яющей платины, бешено пульсировал кристалл абсолютной формы. От него во все стороны расходились золотые нити мета-кода, впаянные прямо в нервную систему жреца и уходящие глубоко в фундамент Корневого Каталога.

[ВНИМАНИЕ! Зафиксирована критическая инициализация системного процесса!]

[Субъект: Малахия, Первосвященник Чистого Канона]

[Активированное таинство: «Божественный Абзац — Тотальная Санация Реальности»]

[Область действия: Пирамида Корневого Каталога (Нижний и Средний ярусы)]

[Статус: Стирание несанкционированных сущностей. Время до завершения форматирования: 00:01:45]

Воздух стал густым, маслянистым и невыносимо горячим. За спиной Вадима бездна, оставленная вырезанным фрагментом реальности, начала стремительно зарастать гладкой, ослепительно-белой текстурой абсолютного «Ничто». Стена санации, срезавшая краешек его мантии секундами ранее, не остановилась. Она накатывала снизу, поднимаясь по ступеням пирамиды, словно прилив жидкого молока, растворяющего в себе физические законы, геометрию, цвет и память.

— Вадим, эта дрянь жрет сам контекст! — рывкнул Грох. Великан стоял, широко расставив ноги, и его титанический молот гудел от скопившейся кинетической мощи. Мышцы на

его шее вздулись канатами, когда он попытался опустить бок на плиту, чтобы создать ударную волну, но металл встретил сопротивление: сам воздух вокруг них начал затвердевать, превращаясь в монолитную белую цензурную плашку. — Молот вязнет! Как в патоке, дери ее за ногу!

— Терпеть, Грох, — глухо отозвалась Пагина. Ее пальцы двигались со скоростью крыльев колибри, выплетая из светящихся сапфировых нитей временные текстовые экраны. Девушка побледнела, из ее носа сочилась тонкая струйка чернил пополам с кровью — признак тяжелой перегрузки семантического ядра. — Я держу буфер! Но синтаксис сыпется! Он использует запрещающие операторы седьмого ранга! Любое наше действие помечается Системой как синтаксическая ошибка!

[Защитный протокол: «Сноска на полях (Уровень 88)» активирован]

[Прочность семантического буфера Пагины: 74%... 68%... 59%...]

[Предупреждение: Обнаружено внедрение Догматического Модификатора: «Удалить как ложь»]

— Ты не сможешь защитить их, Архивариус! — гремел сверху Малахия. Он поднял руки, и с кончиков его пальцев сорвались сотни ослепительных копий — лучей цензуры, каждый из которых нес в себе концепт безусловного небытия. — Смирись! Твои миры были браком! Черновиками, которые Создатель выбросил в корзину! Я лишь очищаю кор-

зину перед перезагрузкой вселенной!

Копья обрушились на защитный купол Пагины. Сапфировые строки вспыхнули, застонали и лопнули каскадом стеклянных искр. Один из лучей скользнул по наплечнику Гроха — адамантовый доспех не просто сломался, он мгновенно обратился в белую пыль, а кожа под ним покрылась квадратными пикселями системного обесцвечивания. Великан взвыл от боли, опустившись на одно колено, но не выпустил рукоять оружия.

Вадим даже не моргнул. Все его внимание, весь его колоссальный аналитический аппарат, выкованный за сотню томов скитаний по умирающим и зачеркнутым реальностям, сфокусировался на одной-единственной точке.

На тяжелом, скованном цепями фолианте, висевшем у него на бедре.

Инкунабула Творения.

Книга книг. Первоисточник, написанный еще до того, как демиурги возвели стены Канона и разделили сущее на дозволенное и еретическое. Ее обложка была сделана из шкуры Первородного Змея, поглотившего собственный хвост, а углы были закованы в металл, которого не существовало ни в одной периодической таблице проявленных миров. Но самое страшное было на ее замках.

Семь сургучных печатей. Каждая размером с человеческое блюдце, каждая пульсировала мертвенным, холодным светом Божественного Надзора.

[ОБЪЕКТ: Инкунабула Творения (Первородный Реестр Сущего)]

[Текущий статус: Глубокая архивация под эгидой Божественной Цензуры]

[Целостность цензурных печатей: 100% (7/7)]

[Печать Первой Главы: «Забвение Механики Эфира / Вето на Атлантиду»]

[ВНИМАНИЕ! Попытка несанкционированного доступа к заблокированным хроникам карается аннигиляцией души на уровне корневого загрузчика!]

— Ты говоришь о браке, Малахия? — тихо, почти ласково произнес Вадим.

Он шагнул вперед, прямо навстречу падающим копьям цензуры. Взмах Стило — и чернильная дуга, рассекшая пространство, перечеркнула три летящих луча. Произошло невозможное: святая магия белого пламени не развеяла чернила, напротив — черная влага жадно впитала в себя свет, обратив божественные лучи в бессмысленный набор типографских клякс, осыпавшихся на плиты безвредным пеплом.

— Ты называешь браком всё, что не поместилось в твои узколобые догмы, — продолжил Вадим, поднимаясь на первую ступень алмазной лестницы. — Ты вычеркивал цивилизации только потому, что они находили путь к бессмертию без ваших молитвенников. Ты стирал звездные системы за то, что их формулы были изящнее ваших псалмов. Но бумага помнит всё, жрец. А Инкунабула... Инкунабула

требует возврата долгов.

Вадим вонзил лезвие Стило себе в ладонь левой руки.

Брызнула кровь — но не алая, а густая, переливчатая, цвета глубокого космического вакуума, мерцающая мириадами крошечных букв и рун. Кровь Архивариуса высшего ранга, концентрированный экстракт Памяти Погибших Миров.

[Активирована способность: «Автограф на полях Вечности»!]

[Списано: 50 000 000 единиц Изначального Опыта!]

[Списано: 40% текущего резерва жизненных сил Архивариуса!]

[Принудительный перевод Стило Архивариуса в режим: «АБСОЛЮТНЫЙ ВЗЛОМЩИК ДОГМАТА»!]

— Стой! Безумец, что ты задумал?! — в голосе Малахии впервые прорезалась паническая нотка. Сердце Догмата внутри него забилося с утроенной силой, выбрасывая целые волны карающего белого огня. — Не смей касаться замков! Первая Глава запечатана лично Советом Демиургов на расвете Второго Века! Там погребено то, что нарушает законы энтропии! Если ты снимешь печать, сам каркас Каталога...

— ...перестанет подчиняться твоей цензуре, — закончил за него Вадим.

Он вскинул руку, залитую чернильной кровью, и с силой опустил острое Стило прямо в центр первой сургучной печати Инкунабулы.

РАЗДАЛСЯ ЗВУК, КОТОРОГО НЕ ДОЛЖНО БЫЛО

СУЩЕСТВОВАТЬ В ПРИРОДЕ.

Это был не взрыв и не грохот. Это был звук рвущегося пергамента масштабом с целую галактику. Метафизический треск взломанного кода отозвался эхом в зубах каждого существа, находившегося в Каталоге.

**[ИНИЦИАЦИЯ ВЗЛОМА ЦЕНЗУРНОЙ ПЕЧАТИ
№1!]**

[Проверка прав доступа... ОШИБКА: Доступ запрещен Создателем!]

[Применение инструмента: «Стило Архивариуса» (Эвристический эксплойт «Кровавая Ремарка»)]

[Системный перехват: Права пользователя 'Vadim_Archivarius' повышены до уровня: ROOT_REDACTOR]

[Преодоление божественного шифрования: 128-битный эдикт... ВЗЛОМАН!]

[256-битная анафема... ВЗЛОМАНА!]

[Семикратное проклятие Синода... ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНО КАК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОЕ!]

Золотой сургуч первой печати потемнел, покрылся трещинами, из которых брызнул ослепительный лазурный свет — яростный, чистый, техногенный, в корне отличавшийся от стерильного белого огня Догмата.

— Во имя Чистого Канона, УНИЧТОЖИТЬ ЕГО! — взвизгнул Малахия.

С алтаря сорвались четыре гигантских крылатых стража

— Серафимы Санации, сотканные из застывших параграфов священных текстов. В их руках пылали мечи абсолютного форматирования. Они ринулись на Вадима с вершины пирамиды, преодолевая расстояние за долю секунды.

— ХРЕН ВАМ, А НЕ АРХИВАРИУСА! — взревел Грох.

Преодолевая онемение и системные ошибки, великан взлетел по ступеням, встав прямо на траектории пикирующих тварей. Его молот, объятый рыжим пламенем первобытной кинетики, врезался в грудь ведущего Серафима.

— ПАГИНА, СВЯЖИ ИХ! Я ИХ НА ЦИТАТЫ РАЗБЕРУ!

— Связываю! — выкрикнула девушка. Из ее ладоней вырвались тысячи сапфировых цепей, сформированных из пунктуационных знаков: восклицательные знаки вонзались в крылья тварей, сковывая их полет, а массивные квадратные скобки захлопывались вокруг их шей, лишая возможности транслировать божественные указы. — Вадим, быстрее! Печать держится на обратной связи, она сейчас испепелит твой разум!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.